

18+

Святогор Росс

*Детектив
Бестужев.
Вечера
на хуторе близ...*

Святогор Росс

**Детектив Бестужев.
Вечера на хуторе близ...**

«Издательские решения»

Росс С.

Детектив Бестужев. Вечера на хуторе близ... / С. Росс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567192-9

Бывший морпех, а ныне курсант военно-морского училища, приезжает в отпуск к родной тётушке в херсонскую глубинку, где сталкивается с уголовным преступлением высокопоставленных чиновников, на фоне следов ВОВ, ведущим к ядерному терроризму и предательству Родины. Бандитизм, убийства, шпионаж, ядерный терроризм — то, с чем приходится сталкиваться курсанту на пути к раскрытию запутанного дела. Но, фамилия обязывает! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-567192-9

© Росс С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Детектив Бестужев. Вечера на хуторе близ...

Святогор Росс

© Святогор Росс, 2022

ISBN 978-5-0056-7192-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Моя фамилия Бестужев! Нет-нет, зовут меня не Алексей, и вообще никакого отношения к знаменитой фамилии великого Канцлера Российской Империи, и тем более к его персонажу в известном сериале, я не имею. Даже косвенного. После школы я занялся изучением этого мучавшего меня вопроса, но, увы. В нашем роду, как утверждают, и одна, и вторая ветвь предков, сплошь рабочие и крестьяне, и все Таврической губернии. Правда, есть один заветный альбом со старинными фотографиями, где мнооого занятных фотографий различных родственников с лентами через плечо и разными орденами. Но, это, как известно «другое».

В общем, по утверждению самой образованной и мудрой части нашего рода, даже под электронным микроскопом, две ветви Бестужевых не имеют ничего общего. Более того, моя методика опроса местных аборигенов результата не дала, я не нашел не то что ничего общего, но даже по утверждению некоторых родственников, за весь период существования наши ветви никогда не соприкасались. Хотя... есть одна общая черта! Все Бестужевы прирожденные дипломаты, сыщики... или преступники! Этого никто опровергать не стал.

* * *

Старый облезлый ПАЗик, громыхая всеми своими железными внутренностями в прямом смысле этого слова, скакал на жалобно поскрипывающих рессорах по кочкам и островочкам разбитой после дождя и перемолоченной тяжелыми грузовиками дороге в сторону старинного херсонского села, а ныне поселка городского типа и райцентра Нижние Серогозы. Это те самые Нижние Серогозы, которые упоминаются в нескольких сериях юмористической программы «Деревня дураков». Там на самом деле есть ещё и Верхние Серогозы, только вот виноградников ни в первом, ни во втором никогда не было. Э-эээ, а жаль!

Дорога сельская конечно эпична, в самый раз для рыцарской конницы в середине лета, когда рыцарский конь мог, лениво шагая по обочине, смахнуть по пути жменю травки, да и напиться в ближайшей лужице. Хотя нет. Ну, какой высококультурный рыцарский конь, какого-нибудь славного ордена будет пить из лужи?

От Херсона можно было ехать по другой, асфальтированной дороге, но ехал я через Кривой Рог, поэтому согласился на суперфантастический, внепланетный космолет марки ПАЗ восемьсот лохматого года выпуска и скачки по кочкам «дороги жизни» через Рубановку.

Еду я в каникулярный отпуск к своей двоюродной тётушке Аграме, которая проживает в этом поселке всю свою сознательную жизнь. Во всяком случае, так утверждает она сама.

В нашей необъятной стране есть масса народу, которые за всю жизнь никуда дальше райцентра не выезжали. Так вот, тётушка Аграма жила всегда в райцентре, поэтому потребности в выезде у неё не было от слова совсем. Здесь родилась в местном родильном отделении районной больницы, здесь закончила среднюю школу. Здесь же закончила учебный комбинат по «классу» «оператор машинного доения», вышла замуж и всю жизнь проработала на животноводческом комплексе местного колхоза имени «Кирова».

И наконец, не выезжая за пределы райцентра, тетушка Аграма вышла на пенсию!

И всё это верно до последней буквы, всё про неё родную мою тётушку, за исключением некоторых мелочей. Например, эээээ, блестящего знания моей тётушкой поэзии «серебряного века», ну или вечные терзания по поводу падения нравов, исчезновения правил этикета! Или, например, старая балетная пачка, висящая у неё в спальне на единственном гвозде. Странно, вы не находите? Для человека, который всю жизнь прожил в одной деревне, и работал простым животноводом, – это нонсенс! Но, вот такая у меня тётушка.

Аграма – так её называют родные, на самом деле сокращённое от Аграфены Максимилиановны Келлер, в девичестве Бестужевой! Пока был жив муж Аграмы, Степан Семеныч, он её называл «Аргмак», в смысле конь скаковой. Обосновывал он это тем, что последняя буква

«К» – это первая буква её фамилии, и пашет она как конь, не вынимая и в дождь, и в снег, и в праздники, и в будни! Аграфена Максимилиановна Келлер была добрейшей души человек, безотказная в работе и... ведьма!

Из трех сестер, она была старшая. И единственная оставшаяся бездетной.

В молодости тетушка Аграма была видной красавицей, пол поселка засматривалась на неё, а уж сколько было сломано копий и ребер за руку и сердце первой девки на деревне. Бывало, идут девки вечером в местный клуб, все красивые, бедрами покачивают, глазками позыркивают! У парней все не на месте. Сказать, что все зашевелилось, включая волосы на голове – ничего не сказать. Ну и понятное дело, от волнения язык к нёбу прилип, слова не скажешь или глупость, какую брякнешь. Вот и брякали невпопад кто во что горазд.

Обычная деревенская сцена: у забора несколько бревен вместо скамьи, где вечерами собираются мужики в картишки перекинуться, аба бабы лясы поточить. Днем пацанва оккупируют взрослые места, и друг друга подначивают на игры или шкоду какую.

Сидят парни, а тут они – красавицы поселковые. И обязательно мимо, не выберут же другой маршрут, как будто дразнят. Как же смолчать то?

– *Ой! Не идёт, а пишет! Правой пишет, а левой зачеркивает,* – это уже самые бойкие, у которых хватает дерзости и соображения.

– *А дурак сзади читает,* – отвечают девки, с напускным пренебрежением оглядывая кучку лужающих семечки пацанов.

В общем, была наша тетка Аграма у всех на слуху и на виду. Да вот никому не досталась! Замуж первая красавица вышла за чужака. Дело в том, что Степан Семеныч не местный, не деревенский. Как говорят местные мужики – кацап! Родом он из далекого Мурманска. Служил срочную на Черноморском флоте, эка занесло парнягу, и в Нижние Серогозы он приехал вместе с местным сослуживцем в отпуск. Вот тут и пропал, как говорит тетушка Аграма, растворился в её глазах небесного цвета.

В общем, запала ему в душу первая красавица на поселке. А она возьми да брякни что дождется. Так и обязались они быть вместе.

После службы Степан Семеныч Келлер, механик первого класса приехал в Нижние Серогозы и остался тут навсегда.

Надо сказать, что пользовался он славой грамотного и толкового механика. Где про железяки – там исключительно к Семёнычу. Бывало и из области к нему на консультации приезжали. А уж как перестройка с перепойкой началась, вообще продыху мужику не стало. На фоне Семёныча, все остальные были дитятками, так что поужезжали все в город да другие поселки. Главного механика прислали аж из самого Херсону, с высшим образованием, после повышения квалификации. Ан нет. Поработав месяц, инженер сказал, что ему здесь нечего делать, тут есть специалист высшей квалификации и уехал восвояси обратно в Херсон. После этого, Семёныча назначили главным механиком и более не меняли.

Не все было гладко в их жизни. После свадьбы тетушка Аграма заболела какой-то тяжелой инфекцией, и как говорят сестры болела тяжело, долго. А после выздоровления стало известно, что детей у неё уже не будет. В общем, мы с двоюродным братом погодком Ярославом и были её любимыми детьми, племянниками да сыновьями. А как Семёныч умер, так стали мы наезжать попеременно к тетушке, дабы не чувствовала она себя одиноко.

В это лето моя очередь проводить каникулы у тетки Аграмы. И надо сказать, что делаю я это с большим удовольствием. Хорошо тут, спокойно, легко!

Да, я кажется забыл представиться – Максимилиан Бестужев, курсант высшего военноморского училища, будущий офицер флота, а попросту Макс.

Автобус притормозил на очередном ухабе, и в открытую на ходу дверь-гармошку можно сказать влетел мужичонка невысокого росточка лет за сорок с грубым холщовым мешком

и в резиновых сапогах. Ничего удивительного, тут все друг друга знают, здороваются по утрам кивком головы, подобострастно жмут руки всем городским и задают кучу вопросов всем знакомым, впрочем, никогда не ожидая ответов, так, для порядку, как американская улыбка.

– *Здорова кум!* – водитель с улыбкой поприветствовал вошедшего.

– *И тебе по добру по здорову.*

– *Как сходил?*

– *А никак! В протоке рыбы нет, а на нашем старом месте уже сидят какие-то фиффы, палатки расставили, пузо греют на раннем солнце. Совсем страх потеряли вместе с насисъниками!*

– *Чо! Серьезно? Без насисъников?*

– *А то! Харадския, мать их,* – мужик перекрестился куда-то в сторону.

– *И что? На работу пойдешь?* – лукаво спросил водитель.

– *Да ну на! Кака работа, день потерян напрочь,* – мужичек вяло махнул рукой.

– *Хо-хо-хо! Зато сисек насмотрелся! Жена небось уже и не показывает,* – половина автобуса дружно загоготала, видимо все в курсе семейных обстоятельств мужичонки.

– *Эээх! Да чё там показывать то? Висят тряпочками до поясу, ни пожмакать, ни посмотреть, одно название,* – народ в салоне ещё пуще зареготал.

Мужик увидел в автобусе знакомую женщину и обратился к ней:

– *Верк, а Верк? Твой-то куды-ть на рыбалку то поехал?*

С заднего сиденья бойкая бабенка, блеснув глазами ответила:

– *Куда, куда. На кудыкину гору!*

– *Да ладно тебе Верк, я уж не поеду, поздно уже, просто интересно куды настоящие мужики от любящих жён сбегают!* – автобус уже раскачивался от хохота.

Так с шутками и прибаутками, весёлый автобус доскакал до окраины поселка и поехал по асфальтированному участку к автовокзалу. Не доезжая до вокзала, я вышел из автобуса со своим чемоданом на колёсах и шагнув с чистого асфальта в деревенскую грязь в своих городских черных штиблетах, направился с дому тетки Аграмы.

Выплыв из огромной лужи, которая образовалась аккурат перед железными воротами тётушки Аграмы, я открыл калитку и фактически выполз из дорожной грязи на посыпанную гравием дорожку между двумя высокими рядами каких-то то ли цветов, то ли кустарников. Тётушка обладала поистине орлиным зрением, и к своим 57 годам очками почти не пользовалась. Почти, это значит, когда ей надо было, она в упор «не видела» и натыкалась только с третьего раза, да и то, если её подвести прямо к предмету. А частенько она и «не слышала», когда это было не совсем выгодно. А в купе с её ведьминским умением, это производило должное впечатление на новых знакомых.

Раз уж вспомнил про ведьмачество, будет правильной, если затронуть и эту сторону жизни тётушки Аграмы.

В далекие времена, одна из наших прабабок обладала очень сильным даром целителя и не только. Возили по институтам в Киев и Москву, проверяли. Времена были тяжкие, поэтому разрешили заниматься целительством без образования. Когда прабабка уходила, якобы передала свой дар единственно безгрешной, достойной и наиболее способной, маленькой Аграфене. Так и повелось, что в семье старшую дочь Аграфену все считали за ведьму.

До замужества Аграфена Максимилиановна не пользовалась своим даром, все считала это блажью. Да только после тяжелой болезни ездила она к известной целительнице куда-то в Сибирь, и та сказала ей, что болезнь и бездетность – это кара заслушание. Вернувшись домой, тётушка Аграма стала заниматься своим даром плотно.

В поселке её как-то признали сразу. Как прыщик на жопе вскочит, так первым делом не в поликлинику, а к ведьме. А вдруг навет, замут, тьфу ты... проклятье. И только, если

тётушка говорила, что надо в поликлинику – шли в поликлинику. Ну, прямо скажем, народ у нас такой, своеобразный. Я сам неоднократно отмечал, что некоторые врачи местной больницы очень уж часто чаевничали с тётушкой по вечерам после работы. Наверное, им было чем поделиться.

– *Мааакс! Максик! Максюлечка мой!* – тётушка уже бежала, смешно подпрыгивая по дорожке в мою сторону. Увидела всё-таки и даже узнала.

Я встряхнул чемодан с прилипшими комьями грязи на колёсах, отложил его в сторону и развел руки в стороны, встречая бегущую тётушку. Мы обнялись.

За два часа я узнал все новости за последние два года и события, которые произошли в поселке со знакомыми, незнакомыми, приезжими, местными и вообще все события, которые тётушка помнила. Я с удивлением узнал, что объем оперативной памяти у моей тётушки круче памяти моего планшетника и последние пол часа думал только о том, когда уже иссякнет поток новостей и эмоций. Очень хотелось есть и спать. Я сутки в дороге и по приезду просто расслабился. Мой организм отчаянно сигнализировал, что ему нужен отдых.

– *Ой! Да что-ж это я, ты, наверное, голодный с дороги то?* – ну наконец, до тётушки доперло, что она забыла задать самый важный вопрос!

– *С удовольствием съем пару жареных баранов, но если их нет, удовольствуюсь парой тройкой бутербродов с чем-нибудь мясным,* – улыбнулся я.

– *Скромненько. Но я думаю потрафить сегодня твоему аппетиту,* – и тётушка суетливо побежала на кухню накрывать на стол.

Ранний обед плавно перетёк в поздний ужин и закончился далеко за полночь. Приехали знакомые, друзья, ближние и дальние родственники. Всё, как всегда. Наконец, ночь накрыла черным одеялом Нижние Серогозы, Херсонскую область и всю Украину. Начались, мои, каникулы.

Глава 2

Мои каникулы в Нижних Серогозах каждый раз начинаются с одного и того же – похода на речку!

Речка здешняя, как и всё вокруг, имеет в своем названии слово – «серогозы». И называется она «Большие Серогозы». Речка маленькая, по меркам центральной России речушка, ширина всего около пятнадцати, двадцати метров. И поскольку и Нижние, и Верхние Серогозы стоят на берегах этой реченьки плавно перетекая друг в дружку, такое впечатление что название «Большие Серогозы» как раз про это. Ближе к Верхним Серогозам балка довольно широкая и служит естественным природным заказником. Вот на берегах этого заказника и располагаются местные «Нишцы» с «Биаррицами». В общем, трудовой народ проводит здесь свободное время, купаясь, загорая, а зачастую и хулиганя дисциплину с пьяными драками, неприемлемыми ссорами, «на всю оставшуюся жизнь» и бурными замирениями тут же у костерка с шашлычком.

На следующее утро меня разбудила кошка Златка. Златка настоящая дворянка! В смысле обычная дворовая кошка, какого-то желтого неопределённого цвета, зато с янтарными глазами и наглая до ужаса. Откуда она появилась у тётушки – не знает никто, даже тётушка. Но кошка оказалась к месту. А иногда она себя вела так, как будто из иного измерения. В конце концов, все решили, что кошка у тётушки тоже ведьма. А ведьма ведьме как известно глаз не выключет, и ногу не подставит. Во всяком случае, не в этой жизни. О, как загнул!

Во время мистических тётиных ритуалов Златка внимательно следила за её действиями и всегда ждала, когда та закончит. Иногда, у меня создаётся впечатление что они вообще разговаривают друг с другом ментально. Да и слушается Златка исключительно тётушку Аграму, вечно где-то пропадает, как говорит Тётушка, – бегают по её поручениям... ага, ведьминским.

Вот и сейчас, кошка залезла мне на грудь и начала шлёпать лапой по носу. Типа: Просыпайся соня! Не видишь, я тут вынуждена тебя будить! Завтрак ждет!

– *Златка! Изыди призрак, дай поспать!* – я вернулся поздно ночью, уставший и измотанный. Сейчас хочу подольше поспать, выспаться, но чувствует мое сердце, мечты несбыточны.

– *Ну все, все, все, я просыпаюсь!* – кошка прыгнула на пол и нервно дергая хвостом поплелась в сторону кухни.

Пока я приходил в себя, услышал громкие голоса из открытой двери кухни:

– *Я —ж тебе говорю, неживой он уже. Столько времени прошло, а он так и не вернулся. Да и карты показывают, где-то рядом он. Рядом с нами, в районе заказника. Надо искать!* – голос тётушки кому-то толковывал что ни карты, ни она сама не может со стопроцентной гарантией указать место где искомый объект.

– *Ты племянников своих собери, да отправь на поиски. Примерное место ты уже знаешь, пусть ребятишки пройдутся, посмотрят, разведают что там да как, а потом мы на место то пойдём, и прямо там может и нащупаем. Но по фотографии я вижу – не живой он.*

Тётушка загромычала какими-то кастрюлями, и остатки моего сна улетучились окончательно. Надо вставать. Может вечером пораньше спать лечь, если получится.

Я встал, и поплелся к уличному умывальнику, не заходя на кухню, в которой тоже был умывальник. Эх, люблю я эти уличные умывальники. Такая алюминиевая хрень с длинным соском, который для того чтобы текла вода, надо поднимать ладонью.

– *Бррррр! Ууууууууух! Холооооодная!* – водица в умывальнике прям ледяная.

Я протер холодной ладонью ещё теплую шею и окончательно проснулся. Всё. Теперь можно завтракать и планировать мероприятия на день.

Мокрый от умывания я тронулся в сторону кухни за полотенцем.

На кухне сидели тётушка Аграма и её давняя подружка Ксения по прозвищу «Трындычиха». Ксения жила около Дома Быта, поэтому подружки встречались часто и потом часа два точили лясы обо всём и обо всех. Уйти по-быстрому от Ксении никогда не получалось, поэтому и кличку такую дали.

В деревне всегда так, не всегда помнят имена, а ещё реже фамилии, но зато все всех знают по кличкам и прозвищам. Деревенская сметка, так сказать. У моей тётушки и имя, и прозвище в одном – Аграма. Иногда ещё за глаза «ведьмой» кличут, так то, такое.

– *Доброе утречко солнице моё!* – тётушка обрадовалась, увидев меня, – *Завтракать садись, как раз блины поспели, да вот Ксения молочка принесла, свеженькое, прям с под коровы!*

Тётушка помнит, что я очень люблю свежее ещё теплое молоко, сразу после дойки.

– *Ммммммммммммм!* *Клаааааас!* – я сделал большой глоток жирного вкусного молока, сделал выдох. И допил первый стакан до дна. Теперь можно садиться за стол и приниматься за трапезу. Пышные оладушки со свежей сметанкой, и запивать почти сливками с легким привкусом масла, травы...

– *Максик! У тебя планы какие, аль дома будешь?* – тётушка как будто индифферентно мимоходом задала вопрос. Хм, типа я не вижу, что она на что-то очень рассчитывает и сейчас ей не терпится получить от меня устраивающий её ответ. Я степенно дожевал очередной оладушек и, только проглотив последний кусок, так же нехотя ответил:

– *Да вроде договорились с Мишкой Халдеем на рыбалку сходить, но мы в ночь, так что я планировал хорошо выспаться, но как видишь Златка меня разбудила, – я бессознательно соврал, выжидательно глянул на тётушку ожидая продолжения мысли.*

– *Так я это, хотела тебя попросить вона с племянниками Ксени одно место посмотреть. Ты то постарше будешь, за пацанами присмотришь. Это на заказнике. Они хоть и местные, но больно прыткие, везде свой нос сунут. А тут надо осторожно, аккуратно пройти, присмотреться, может что подозрительное увидите, – тётушка вопросительно посмотрела на меня.*

– *Ну а что не сходить то? Схожусь. А что ищем то?* – я с любопытством посмотрел на женщин.

– *Тут такое дело. В общем, сын старший у Ксени, Василий, сидел по хулиганке три года. Полгода назад вышел. Но опять ввязался в какие-то темные делишки, какой-то клад они искали. А тут, в прошлом месяце пропал. Ушёл с утра по делам, да так и не вернулся. И с тех пор ни слуху, ни духу, – тётушка выдохнула и отвернулась, как будто поправляя что-то у себя на боку. Потом, повернувшись ко мне продолжила:*

– *Чую я, что здесь он где-то, совсем рядом. Но вот точно сказать не могу. И ещё чувствую – мертвый он, неживой. Да и карты то же самое бают, – тётушка отпила из своей чашки травяного чая и продолжила:*

– *Потому и прошу тебя как старшего пойти, потому как ребятня может и испугаться, или ещё что.*

Я кивнул головой и поднял чашку с молоком. Эх, пропала моя незапланированная рыбалка, да и день весь насмарку.

Покойников я ещё в каникулах не искал. Но раз тётушка сказала, что надо, значит надо. Не могу же я её разочаровать.

– *Ладно. А в чем он одет то хоть был? Мало ли что, – я поинтересовался не зря, времени то прошло немало. За это время трупик то мог истлеть, а вот по одежке можно распознать. Хотя, не верил я, что мы что-то найдём. Спросил так, для важности.*

– *Так это, в джинсах он был, полусапоги кирзовые, ну обрезанные такие, и куртка темно-синяя болоньевая, тоненькая. На голове, стало быть, шапка спортивная, старенькая, облезлая такая, когда-то лыжная была, серого цвета, – Трындычиха виновато посмотрела*

на меня, как будто застенялась, что сын в старой шапке пошел по делам и именно это обстоятельство стало причиной его пропажи.

– Ну, присылай племянников своих. Тока так! Чтобы все были на великах, пешком я никуда не пойду, сам велик возьму у Виталика-соседа. Он на работу на сутки, так что ему без надобности.

– И ещё, наказать малявкам, чтобы слушали меня неукоснительно, а то уши поотрываю, ежели твякать будут. А то знаю я ваши, местные, деревенские: «чѐ раскомандовался» да «городские наглые».

– Да, да, а как же, неужто можно, дело же такое, – Трындычиха аж чаем поперхнулась.

– Ну вот и славненько! — тетушка вытерла руки об передник и взялась за сковороду, давая понять что разговоры закончились. Завтрак закончился, надо посуду вымыть да убраться.

Часика через полтора к тѐтушкиным воротам подтянулся «покойнический спецназ» на великах. Было их человек восемь. Я аж присвистнул, вот это да, семейка у Трындычихи знатная, раз столько племяшей подросткового возраста. Таак! Надо взять управление в свои руки с самого начала.

– Это все? Или ещё кто-то подъедет?

– Да все! – нестройный хор мальчишечьих голосов прозвучал как-то необычно. Я немного смутился. Хоть пацаны и были лет на десять-двенадцать меньше меня, но мне почему-то казалось, что племяши у Трындычихи постарше будут. Ну да ладно. Как говорится исходим из того что имеем.

– Ну, тогда будем знакомиться. Меня зовут Макс, и я офицер армейской разведки, – соврал я. Кроме возраста, другого авторитета для этих пацанов у меня нет. А мне очень надо, чтобы они основательно выполнили данное поручение. А для, пусть и в штатском, но «разведчика», они будут рвать и метать от усердия, и все выполняют в точности. Здесь главное результат.

– Все знают зачем мы здесь и что будем делать, но я ещё раз повторю, если кто-то забыл, – я сделал короткую паузу и оглядел ребят, – Мы едем осматривать территорию на предмет подозрительных мест, вещей, людей. И связано это с пропажей вашего дяди Василия.

– Имена ваши сейчас я всё равно сразу не запомню, поэтому, знакомимся по пути в процессе общения. Первым делом называем имя, потом спрашиваем или что-то докладываем, уяснили?

– А можно я?

– Представься, да можно!

– Степан я. А вы правда из КГБ?

Я смутился, примазываться к этой всеведующей и вездесущей организации у меня в планах небыло. Мало ли что...

– Нет! Я этого не говорил. КГБ – это государственная безопасность, а я из военноморской разведки.

– А какое у вас звание?

– А как тебя зовут? — или мы забыли что надо представиться?

– Владик!

– Я Владик, лейтенант!

Вздых разочарования прошел по рядам моего «спецназа». Пацаны ожидали не ниже полковника. Вот это был бы повод похвастаться перед сверстниками.

– А вы что, думали вам тут полковники будут слюни вытирать? Всѐ! Закончили разглагольствования, приступаем к исполнению сложной и ответственной задачи.

Я сделал сердитое выражение лица.

– *Слушайте внимательно пацаны. Поедем все кучкой к старому коровнику, это который со стороны Верхних Серогоз. Там оставим велосипеды, замаскируем их и дальше пешком. Там недалеко. У начала заказника распределимся двойками и пройдемся по территории цепью. Там, дорога такая, лесная, между деревьями. Вот от дороги по одну сторону, а потом по другую сторону.*

Задача у нас простая: обнаружить и записать, поставить метки у всех объектов, здания, сооружения, руины бывших сооружений, заимки, сараи, короче все мало-мальски заметные строения и объекты, торчащие из земли на высоту более полутора метров! Описать как до них добраться. На всё про всё у нас пять часов времени.

Двойкам не расходиться, не разбегаться. Вдвоем вам будет удобнее, да и в случае чего друг другу поможете если что. От дороги отходить на расстояние километр, полтора, максимум. По времени, если внимательно все осматривать – это где-то минут тридцать. Разворот и назад к дороге. Здесь перераспределяемся на другой маршрут, и повторяем заход.

В восемнадцать часов, собираемся у велосипедов. Опоздавших ждем ещё пол часа и идем искать! Кого не найдем, будем искать до ночи, а может быть и ночью, так что, если у кого-то вдруг образуются дела в поселке, и он решит уехать, лучше предупредить, а потом уходить, чтобы небыло обид и обвинений, – я внимательно оглядел пацанов.

– *Все уяснили?*

– *Да, да, да...*

– *Тогда, по коням!*

Село, блин! Едешь на велосипеде, теплый ветер обдувает тебя со всех сторон, воздуууух! Просто умопомрачительно! А вокруг такая благодать, птички поют, и только ты, как последний придурок едешь куда-то искать что-то, непонятно что и непонятно куда. Начальник разведки ипона мама... бугагагагагагагага!

За пять часов усиленных поисков силами «покойницкого спецназа» состоящего из одного взрослого и восьми ребятишек от десяти до двенадцати лет, было найдено, описано и занесено в списки 16 объектов, вызывающих как минимум вопросы, а как максимум подозрения. Дети, на одном воодушевлении как настоящие разведчики, вскрыли все, включая незаконную свалку ближайшей животноводческой фермы, несколько технологических колодцев различного назначения без крышек, и самое главное остатки двух блиндажей и заросший бурьяном, и почти ушедший под землю бетонный ДОТ времён Великой Отечественной войны.

Я осмотрел только то, что лежало на поверхности – развалины нескольких строений в глубине леса, и собственно руины бывшего животноводческого комплекса.

Развалины не вызвали никакого интереса. Образованы относительно недавно, после выселения из этих зданий каких-то государственных организаций, да сам комплекс, покинутый благодарными буренками в связи с переездом в новые хоромы, тьфу ты... коровники.

Крыша была искусственно демонтирована, поэтому никаких балок, никакой жести. Всё было аккуратно снято, разобрано и вывезено с объекта. В некоторых местах были разобраны кирпичные стены, и точно так же, вытасченный кирпич был сложен в аккуратные штабеля, видимо в ожидании вывоза. Подвалов, погребов вокруг строений не обнаружили, только несколько технологических колодцев, да и то, практически все канализационные. Интерес вызвал только колодец системы связи, но он был неглубок, полностью разгромлен и совершенно пуст. Из него местные охотники за кабелем успели вытянуть все что могли, параллельно разобрал и бывший здесь коммутаторный щит. Перестройка мать её, новое мышление. Старое мышление таких вещей творить не позволяло.

– *Ну что товарищи разведчики? Это все? —* ребятишки нагулявшиеся по лесу сидели или лежали на траве кто где.

– *Все! Больше ничего нет, мы все обыскали и осмотрели.*

– М-да! Негусто. Надо сдвинуть район поисков ближе к Верхним Серогозам, может там что-нибудь интересного найдем.

– Есть ещё старый хутор! – встрял в разговор самый маленький из «разведчиков» – Виталик кажется

– Нука-нука! Знаешь где это?

– Да, мы с батей там всегда мимо проходим, когда на рыбалку идем!

– Вооот! Вот так надо подходить к выполнению боевого задания, – Виталик прямо расцвел весь. Самый маленький, а нашел самую важную вещь.

– Так! Сейчас едем на место, осматриваем этот хутор, и по домам. Завтра сдвинем район поисков чуть севернее по берегу реки. Все знают эти места? Или нужна карта местности? – поиздевался я над ребятами.

– Всеее! Мы тут все исколесили, просто никогда не думали, что это так важно.

– Ну тогда, по коням пацаны. Едем к старому хутору.

Старый хутор вызвал во мне некое смутное чувство. Я пока не понимал, что это, но что-то меня беспокоило. Уже подъезжая к старым развалинам я почувствовал какое-то напряжение. Вокруг обихожанный лес, недалеко речка, дорога в километре от развалин. Зверья здесь не водится, следовательно, охотники не ходят и браконьеров тоже нет. Откуда это беспокойство?

Надо тщательно осмотреть все эти развалины, разгадка вообще может быть на поверхности. Развалины бывшего каменного дома указывали на то, что хозяйство здесь было крепкое, строились на совесть. Недалеко ещё стоял старый деревянный сарай с покосившимися стенами и частично рухнувшей крышей. А вон вход в погреб. Погреб построен почему-то по северной традиции, врыт в холм и утоплен в землю. Его мы оставим на потом. Пока займемся домом.

Когда-то это был жилой дом. Двухэтажный, со вторым деревянным этажом, потому что в правом крыле остались остатки бревенчатых стен второго этажа. Фундамент широкий, из дикого камня, видимо, до этого дом был возможно даже трехэтажный и весь каменный. А вот перекрытия были бревенчатые, вон остатки перекрытий с глиняной штукатуркой валяются, значит, при советской власти дом капитально не ремонтировали.

Сдается мне, этот хутор появился здесь уже позже. А изначально здесь было что-то другое, капитальное, многоэтажное, с двумя флигелями и хозяйственными постройками. Вон, даже сараи покоятся на каменных фундаментах. Не думаю, что для строительства временных хозпостроек кто-то решил залить фундаменты. Они здесь были до этого. А вот как давно до этого?

Если этот дом дореволюционный, то здесь должны были быть обширные подвалы, а возможно, что и подземные ходы. И... пруды. Надо поспросить всех, кто может знать об этом хуторе что-нибудь кроме того, что до войны здесь были охотхозяйство и рыбинспекция.

Подвал был завален каменной крошкой от обвалившихся местами стен. Лестница в подвал шла из большого холла на первом этаже. Сейчас здесь кучи мусора, каменные обломки стен, сгнившие куски стропил, упавшие вниз и рассыпавшиеся от времени в труху, куски обоев, старые газеты. Я поднял один кусок старой газеты... Удивительная вещь, «Губернские Ведомости» за 1898 год! М-да. Если всю эту прессу аккуратно собрать и поизучать, откроются новые пласты знаний о тех временах.

Например, в этом номере уведомление полицейского управления о том, что в городе Херсоне было совершено убийство заместителя городского головы, некоего дворянина Неклюдова, которого нашли мертвым в городской бане, где указанный чин проводил время с девками. Они его и нашли с ножом в брюхе, когда вошли в отдельные кабинеты. Историки увы такие сведения не хранят, а ведь для истории они были бы ценны. Это показатель того, что чиновники во все времена были нечисты на руку, нечистоплотны и собственно распущены в духовном смысле.

Из каменного крошева торчит кусок синей материи, а вот тут же остатки печного кирпича со следами нагара на боках. Что-то здесь не так. Как любил говаривать один известный персонаж: задним местом чую, что-то здесь не чисто.

Я покрутился в этом помещении, разглядывая его с разных ракурсов. Ощущение настороженности не проходило, но и нового я ничего не увидел. Тот же кусок материи, те же обои, обломки старой печи, стеновые блоки вперемешку с остатками цемента и красным кирпичом.

Хотя, стоп! Эта стена была свалена внутрь специально. Вот со стороны коридора следы от ударов в стену чем-то тяжелым и острым. А вот и лом, которым крушили этот кусок стены, так и остался на полу коридора, только покрылся слоем пыли, потому на фоне стены не видно было.

Да, стену свалили специально, и видимо относительно недавно. Обломанные края ракушечника были ещё свежими, не раскрошенными, не округлёнными, как это бывает с обработанными ветрами и дождями углами и краями каменной кладки. Может кто-то хотел обжиться строительными материалами?

Но тогда почему сваленный кусок стены так и не был разобран?

Жаль фотоаппарата с собой нет. Можно было бы сделать пару снимков и покумекать на досуге. Ну да ладно. Поздно уже, ребятне надо по домам, да и мне пора. Завтра с утра приеду уже один, спокойно осмотрю это место ещё раз, да пройду по другим объектам, может что ещё бросится в глаза.

Глава 3

Вечером, после теплого душа с душистым мылом, обильного и вкусного ужина из жареной курятины с пирогами, я решил поспрашивать тетушку про этот хутор, который не даёт мне покоя.

– Тётушка, а что ты знаешь про старый хутор возле Верхних Серогозов, там, где раньше рыбинспекция и охотхозяйство были?

– Что знаю? Много чего я знаю про этот хутор, – тетушка налила себе стакан травяного чая и села напротив меня.

– Ну, раз ты заинтересовался, тогда слушай. Я тебе расскажу нашу версию событий, которые произошли с нашей фамилией за эти годы. Разговор будет долгий, так что устраивайся поудобнее и налей себе чаю, – тётушка улыбнулась, отхлебывая из своего стакана.

* * *

– До революции там, где сейчас хутор, стояла помещичья усадьба моего прапрадеда, Василия Спиридоновича Бестужева.

– Вот это да-а!

– Да, да, мы родом из местных, таврических помещиков. Наш род проживал в этих местах больше 250 лет. До революции все эти территории входили в Таврическую губернию Российской империи. Но, это слишком далеко во времени, как-нибудь потом.

Так вот, Василий Спиридонович, был крупным помещиком, и земли половины нашего района принадлежали ему. Хозяином он был крепким, с хозяйством своим справлялся сам, без управляющего и справлялся хорошо, поэтому богател из года в год. У него было два сына, и оба служили в гвардии. Наш дед, Александр Васильевич Бестужев – полковник, улан, уволился из армии и вернулся домой. Сначала Василий Спиридонович хотел выделить ему отдельное имение, но потом рассудил, что лучше передаст дела сыну, а самому уйти на покой и потихонечку ему помогать. Александр Васильевич довольно быстро стал уважаемым членом городского совета, и был избран предводителем дворянства в Херсоне.

После смерти отца, он унаследовал усадьбу и при нем ещё как-то за ней ухаживали и содержали. У него было двое детей, – сын Василий и дочь Екатерина. Сын служить не стал, закончил киевский политехнический университет и уехал в Швейцарию, а там, сгинул во времени. Никаких сведений о нем у нас нет, да и смысла их искать все эти годы тоже не было.

А вот дочь – Екатерина Александровна Бестужева, вышла замуж за барона Тауберга Максимилиана Евгеньевича, капитана второго ранга, офицера императорского флота. Дед мой был из обедневших дворян, поэтому единственный источник дохода у него была служба на флоте его императорскому величеству. Ну, за Екатерину какое-никакое приданное давали, и поселились молодожёны в Севастополе в небольшой квартирке на Большой морской улице. Родилось у них три дочери. Надежда, Светлана, и Аркадия.

Наступил 17 —й год. Революция!

Когда все бросали место службы, воинские части, семьи, имущество и бежали за границу, барон остался старшим офицером в дивизии крейсеров и перед вступлением немцев в Севастополь, перешёл на службу большевикам. Вместе с крейсером перешёл в Новороссийск, потом, с уходом немцев, вернулся обратно в Севастополь. Семья все это время проживала в Севастополе.

В гражданскую, Максимилиан Евгеньевич отправился на Каспий военспецом. Руководил там штабом дивизии катеров. А в Таврической губернии, вместе с белыми бушевал тиф. Екатерина Васильевна и две её старшие дочери заболели и умерли. В живых осталась только младшая, Аркадия.

Уж не знаю какими путями, но её вывезли подальше от военной контрразведки Врангеля в Херсон. Здесь, в Херсоне, она познакомилась с моим будущим отцом – Максимилианом Ласовским, судмедэкспертом уездного Херсонского ЧК.

Отец был врачом, а не экспертом, поэтому он все время просился работать в больницу. Наконец, ему нашли замену и отпустили во вновь открывшуюся сельскую больницу в Нижние Серогозы. Они переехали в село, отец поменял фамилию. Взял фамилию матери и стал Бестужевым.

Моя мать и твоя бабушка Аркадия, родила здесь в Нижних Серогозах четверых детей. Трёх девочек и мальчика. Младший, сын Алеша, братик наш, – умер от сердечной недостаточности в детстве. У него был врожденный порок сердца. С лекарствами было туго, а про операции вообще говорить не приходилось. Детей в таком возрасте ещё не оперировали.

Дед, Александр Васильевич дожил до революции, но умер в начале 1918 года от старости. Сердце уже не выдержало переживаний. Крестьяне барина не трогали, и усадьба пережила его.

Правда после его смерти, местный комитет, аккуратно поинтересовался у матери что они планируют с усадьбой то делать. Побавались отца, хоть и бывшего, но чекиста, да и дед был не последним человеком на Черноморском флоте молодой республики.

Мама от усадьбы отказалась. Ни сил, ни средств на её содержание у них небыло, да и постановление СНК о реквизиции имущества помещиков никто не хотел нарушать. Забрали оттуда только обширную библиотеку и кое-что из вещей, мебели, картины. Все остальное сдали под опись представителю губернского совета. Потом правда, после войны, из этого фонда мама организовала сельскую библиотеку, которой и руководила почти до самой смерти.

Четыре года усадьба пустовала. И только в 22-м году там устроили детский интернат для детей сирот. Много их было на дорогах войны.

Так называемый «37-й» мы пережили спокойно, без потерь. Из Бестужевых никого не арестовали, не посадили и тем более не расстреляли. А перед войной в конце мая 1941 года, мои младшие сестрички Александра и твоя мать Людмила, поехали на каникулы к деду Максимилиану Евгеньевичу, который к тому времени отслужив последние годы в главном штабе ВМФ, ушел в отставку и поселился в Подмоскowie, где ему выдали квартиру.

Ну а через месяц как известно началась война!

Мама со мной осталась в поселке, а отец ушел на фронт и попал в Приморскую армию, которая защищала Севастополь. Там он и погиб.

Потом, после войны мы протоптали все пороги военных архивов, пока нашли какие-то докладные записки или рапорты, где упоминалось о том, что военврач-майор Приморской армии Максимилиан Бестужев погиб во время бомбежки полевого госпиталя где-то на северной стороне Севастополя.

Во время оккупации в усадьбе была немецкая комендатура и располагалась тыловая рота немцев. Партизаны два раза пытались её взорвать, но неудачно. В 43-м, когда немцы начали отступать, в усадьбе стояла какая-то особая литерная часть. Туда приезжали грузовики, разгружались и отправлялись обратно к фронту.

Когда канонада уже вовсю громыхла под нашими окнами, немцы судорожно что-то увозили оттуда. Наши танки въезжали в деревню с востока, а немцы выезжали на запад через Рубановку. В самый последний момент, усадьбу взорвали. Не смогли взорвать полностью, но один флигель развалился. Потом там саперы работали, разминировали остальные заряды. Говорили, что вроде осколок перебил провод и остальные заряды не сработали.

Взорванный флигель восстанавливать не стали. Развалины разобрали и сравняли площадку бульдозером. Мама говорила, что там были обширные подвалы, но при взрыве были повреждены перекрытия и все рухнуло вниз в подвал. Откапывать не стали, просто замуровали ту часть, которую на поверхности снесли и продолжили использовать помещения дальше.

В 60-х годах здание стало аварийным, и власти решили его снести. Сносили месяца два, стены усадьбы не хотели разрушаться. Ну, в конце концов привезли какие-то машины из Херсона и стены поддались. Снесли всё до фундамента. Потом на старом, но крепком фундаменте построили новые здания. Конечно строили попроще, а второй этаж вообще строили из дерева, так дешевле и быстрее.

После сдачи объекта, там была заготконтора, потом Райпотребсоюз. И наконец, в 76-м отдали его под контору рыбинспекции и охотхозяйства. Через четыре года там был большой пожар, после чего эти две конторы выселили вообще в Серогозы, а здания так и остались неприкаемые. Вот с тех пор они разрушаются под воздействием непогоды, да и не без помощи человека. Разворовали всё, окна, двери, перекрытия.

Но вот что интересно.

В конце 70-х пустили слухок, что дескать в бывших подвалах усадьбы Бестужевых, немцы во время войны организовали склад ценностей перед вывозом в Германию. Дескать литерная часть, которая там базировалась в сорок втором и была тем самым специальным подразделением, которое собирало ценности и вывозила в Германию. И вроде как из-за стремительного наступления красной армии, не все ценности успели вывезти.

Ну, слухи слухами, но кладоискатели на полном серьёзе начали кружить вокруг бывшей усадьбы как коршуны. Заинтересовались даже херсонские начальники из милиции. А однажды приехали представители КГБ, чуть ли не из Киева. С нами побеседовали, порасспрашивали, что мы знаем. А что мы знаем? Мама что-то могла бы им рассказать, а мы со Степаном ничегошеньки и не знаем. Так что уехали начальники не солоно хлебавши. Потом милиция поставила ограждение с табличками, запрещающими раскапывать территорию, дескать объект культурного наследия. Так слухи сошли на нет.

Но вот, год назад, опять появились эти слухи. Правда народ уже так рьяно не раскапывает, многие разочаровались. Но вот Василий Ксюхин, вышел из тюрьмы и вернувшись домой стал себя очень подозрительно вести. Как-то по пьяне бахвалился матери, что они клад немецкий ищут, и вроде почти нашли, осталось последнюю стену какую-то раскопать. Ну кто пьяному то поверит? И так бы и проскочило мимо, но только Василий через несколько дней пропал.

Он и раньше мог на два три дня пропасть. Уйдет в запой с дружком своим Виктором Косухиным из Верхних Серогоз, и всё. Но все знают, где он пьет и если что могут найти. Но так чтобы месяц – нет, такого никогда не было. А тут ещё Косухин, после того, как его спросили где Василий, срочно собрался и уехал куда-то в Красноярск к дружку какому-то. И никто не знает ни адреса, ни самого этого друга. В общем, все очень подозрительно.

– Тётушка, а ты то сама веришь в эти клады? – я посмотрел на неё с усмешкой. Мне самому казалось смешным искать клады с войны, да где? В Серогозах?

Я понимаю там в Киеве, Харькове, там и музеи были, и ценностей было много. А тут в селище, которое только последние пару лет стало поселком городского типа, какие клады?

– Я бы тебе сейчас ответила, что нет, если бы не одно но!

– Какое?

– Перед своим исчезновением, Василий заходил ко мне, вроде как спросить что-то, и как бы невзначай, предложил мне купить у него кольцо с камешком, – тётушка замолчала, потом вздохнув продолжила.

– Кольцо старинное, и камень явно драгоценный. Я видела ювелирные вещи такого качества у мамы, да и мне по наследству кое-что досталось, так что сравнить могу. Это старинные вещи. Откуда они у Василия ума не приложу.

– Я конечно отказала. Сказала, что не верю, что это драгоценные вещи. Василий меня горячо убеждал, что это вещи из старинного клада. Но из какого и как он у них оказался сказать отказался, – тётушка развела руками.

– Хм, получается, что они всё же что-то нашли, и решили попробовать реализовать какие-то мелкие изделия, – у меня начала медленно созреть какая-то мысль. Она ещё не сформировалась окончательно, но я знаю, что меня уже зацепило, и пока я не получу ответ на эти вопросы, я не перестану искать.

Я лежал на кровати в своей комнате и размышлял. Вспоминался осмотр развалин хутора. Особо мысль вертелась вокруг кучи строительного мусора и груды строительного камня в холле.

Зачем неизвестному лицу рушить стену? Если он не собирался разбирать её на стройматериалы, какой тогда смысл прилагать столько усилий чтобы свалить стену весом минимум пару тонн. А то что он там постарался, к ёжику не ходи. Стена крепкая ещё была, да и видно, что ломал он стену интенсивно и не менее сотни ударов по ней нанёс. А потом бросил лом и ушёл. Если бы просто испугался, потом вернулся бы за ломом. А так...

А так получается, что разрушителю лом в дальнейшем был без надобности. И главная цель у него была – свалить этот кусок стены с какой-то целью, и уйти, а не собирать кирпичи. Значит...? Значит, значит... стоп!

Там же синяя тряпка, прямоугольная торчала из кучи мусора! Так. В какой куртке ушёл из дома Василий? Правильно, в синей! Может быть этот кусок материала фрагментом куртки? Да легко! А может и вся куртка там под мусором? Мне в голову сразу не пришло разворошить хотя-бы легко эту кучу в том месте где синяя тряпка.

Мысли крутятся вокруг этой тряпки, не уснуть.

Ну и что с того что я тут пол ночи буду ворочаться и овец считать? Надо заняться делом.

Я встал, быстро оделся и осторожно, чтобы не будить тётушку Аграму вышел на улицу. И тут, черт меня надоумил, в сарае, в полной темноте, без фонаря поискать лопату. Получилось, как в том анекдоте. Дверь то я нашупал и открыл, но наступил не в ту сторону, и ударился головой об косяк, отпрянул и наступил на грабли, которые распрямившись треснули меня по плечу, слава Богу не полбу. Оступился и наступил на что-то скользкое, ноги взметнулись вверх, и я падаю в свиное корыто с завтрашной баландой для поросенка Воли. Переворачиваюсь и упираюсь ногой в стену. Со стены падает искомая лопата и больно бьет меня по горбюшке деревяшкой. Слава Богу не штыком. Ползком, выползаю из сарая, оглушенный, охреневший...

– Бл... ть! Не сарай, а Форт Байярд какой-то.

Тут откуда-то сбоку выныривает тётушка Аграма.

– Максик? А ты чего не спишь, что ищешь?

– Приключения на жопу ищущу, вот что. Пошел за лопатой в сарай, без фонаря, и стал блин, персонажем анекдота.

– Так фонарь вона на стене висит в коридоре прям на выходе, – тётушка Аграма с подозрением посмотрела на меня.

– А я что, ночами фонари ищущу на стенах? Была мысль, поехать сейчас на этот сраный хутор. Ну не даёт мне покоя тряпка та, синего цвета. Всё равно не уснуть. Вот и пошел в сарай за лопатой, чтобы там разгрести мусор немного. Ладно, вынеси мне лопату, я сейчас

велосипед возьму, поеду я туда сейчас, все равно не уснуть уже точно, – я развернулся и пошел к погребу, возле которого с вечера оставил велосипед.

– Максик! А может ну её, завтра с утра, встанешь, позавтракаешь, да на сытый желудок и поедешь, что тебе в ночи то волочиться туда? – тётушка растерянно посмотрела на меня.

– Не. Мне теперь не заснуть, и буду пол ночи ворочаться, что не сообразил. Лучшие поеду сейчас, завтра подольше посплю. Да, и фонарь мне там нужен будет, не в темноте же копать.

Минут через десять, я уже крутил педали по улице Нижних Серогоз, совершенно позабыв про сарай, лопату, ночные неприятности и старые анекдоты. На багажнике был закреплён фонарь, а к раме привязана лопата.

На хуторе было темно как в преисподней. Только кроны деревьев где-то наверху тихонько шумели под дуновением легкого ветра. Ночная прохлада заставила застегнуть спортивную олимпийку. В нетерпении я зашел в развалины фойе и подошел к куче.

Вот она тряпочка то. Сейчас мы до неё доберёмся. Я полез на верх кучи осторожно ступая по обломкам каменной кладки и кускам глиняной штукатурки. Ага вот и тряпка. Вблизи, хоть и не очень видно, тряпка предстала немного не такой как снизу. Она была ...рукавом!

Вот оно! Я же знал, что это не то что кажется!

Я лопатой разворошил мусор вокруг, отбросил несколько камней и потихоньку начал лопатой очищать сверху открывающуюся синюю куртку.

А вот и вещдок! Если конечно это та куртка!

Завтра надо звать Ксению Ивановну на опознание. И если она подтвердит, что это куртка Василия, тогда... тогда...

А что тогда? А тогда надо тащить сюда тётушку Аграму. Она со своим ведьминым чутьем ведь подсказала, что оно где-то здесь? Что мешает использовать её умения для поиска на месте самого Василия? Может его грохнули и тут же закопали поблизости. Кто будет труп таскать туда-сюда. Да и место подходящее, здесь мало кто бродит.

А могло быть и так, что куртку он сам бросил, переодеваясь во что-то другое перед отъездом из поселка. Воооот! Надо проверить, не выезжал ли он в тот день на автобусе. Хотя, здесь же трасса херсонская, тут транспорта хоть отбавляй, на любой попутке мог уехать. Но проверить не мешало бы. Ладно, теперь домой. Теперь точно усну.

Я аккуратно свернул куртку в конверт и засунул в холщовый мешок специально взятый для этой цели. Обратно я домчался быстро. Наверное, потому что всю дорогу думал. Крутил в уме разные варианты дальнейших действий. Всё же остановился на том, что надо сначала так сказать очную ставку сделать Ксении Ивановны с курткой, потом вести туда тётушку Аграму, определиться на месте, может что ещё найдем, и только потом ехать в райотдел писать заявление о пропаже, сдавать вещдоки и делиться подозрениями.

Тётушка не спала. Сидела с картами на кухне и что-то считала, пересчитывала, громко зевая, в общем, ждала меня!

– Ну что? Нашел?

– А куда оно могло деться за вечер? Нашел конечно. И как я и предполагал, это не просто тряпица, это куртка... синего цвета, – я отцепил мешок от багажника и открыл его показывая тётушке. Тётушка заглянула в мешок и кивнула.

– Да. Именно в такой куртке я его видела.

– Кого?

– Василия, кого же?

– Так ты его видела перед этим?

– Нет. Я видела его не воочию, а как-бы в пространстве, но не во сне. Он был одет именно в эту куртку и сказал, что он рядом с домом, в лесу. По виду я поняла, что неживой, потому что бледный он был, почти прозрачный, и движения какие-то странные, как у нежити, – тётушка перекрестилась.

– Ладно. Завтра, точнее уже сегодня надо встретиться с Ксенией Ивановной и показать ей куртку. Если это куртка Василия, и она её узнает, надо идти в милицию. Но. У меня появилась мысль. Ты действительно можешь по фотографии найти человека?

Тётушка коротко кивнула.

– Тогда, есть смысл поехать тебе с нами на место, и попытаться просканировать там местность, может быть мы найдем и место захоронения, если оно там есть конечно, – я с сомнением пожал плечами.

– Поеду. Только надо договориться с Петром, чтобы отвез и привез на машине. Я на велосипеде не поеду, сто лет на нем не ездила, уже и забыла куда педали то крутить. Лучше я на машине поеду. Да и Ксению с собой возьмем, мало ли что надо будет, – тётушка выжидательно посмотрела на меня ожидая моего согласия.

– Хорошо, тогда я тоже на машине поеду, за ночь намахался, отдохну, – я кивнул головой и пошел к погребу ставить велосипед.

Наутро, ещё до моего подъема Ксения Ивановна уже была тут как тут. Ещё просыпаясь я услышал ей сиплый голос, доносящийся с кухни.

На кухне уже орудовала тётушка Аграма, жарила яичницу с колбасой и пила свой травяной чай. Трындычиха что-то ей рассказывала, жестикулируя руками. Когда я вошел, обе повернули голову ко мне.

– С добрым утром, – проговорил я, вытирая руки полотенцем.

– Мы думали ты ещё поспишь, ночью то, ведь, колобродил, – сказала тётушка.

– Да ладно тётушка, ближе к делу! Куртку смотрели? – спросил я, переводя взгляд на Ксению Ивановну.

– Да, смотрели. Это его куртка, – глухо ответила она.

– Понятно. Ну тогда, мы поедем там осмотримся, а вы пока идите домой, ждите нас, может будут новости, а может нет. Но после нашего возвращения, надо идти в райотдел милиции и писать заявление о пропаже сына.

– Нет. Я поеду с вами. – Ксения Ивановна сжала губы, и в уголках её глаз проступили слезы.

Ох, чувствую я наемся мы с ней и там, и потом. Ну, что тут поделаешь, пусть едет.

– Ладно, сказал я, поворачиваясь к тётушке, – только она на твоей совести тётушка, – Ты за машину договорилась?

– Да, за нами заедет Пётр, дружок бывший Степана на машине, часика через два. Я думала ты ещё поспишь, – тётушка виновато посмотрела на меня.

– Тогда, давай завтракать, и хватит на меня так смотреть, я без претензий.

Завтракали молча, только тётушка изредка бросала взгляды на Ксению, но та ела молча, поджав губы и медленно пережёвывала пищу.

Часика через полтора, с улицы раздался звук мотора, и сразу после этого забибикала машина.

– Ох, приехал уже Петя. Ну что, готовы?

– Ага, – кивнул я, и глазами показал на Ксению Ивановну.

Тётушка спокойно оглядела подругу и кивнула мне головой.

– Ну, тогда поехали!

На улице нас ждала вазовская тройка синего цвета. Мы молча сели в машину.

– *Куда едем?* – спросил водитель, обернувшись ко мне.

– *В усадьбу,* – коротко ответила тетушка, сидевшая на пассажирском сидении за ним.

– *Понял,* – сказал Петр, и мы тронулись.

Интересная деталь. Ответил так, как будто это место всегда называлось усадьбой, и только по какой-то особой надобности вдруг стала хутором.

Водитель не переспрашивал, значит он точно знает куда везти и бывал там не раз. Ну, может охотник.

Петр посмотрел на моё озадаченное лицо и хмыкнул.

– *Я был директором охотхозяйства одно время, и у нас все всегда называли это место усадьбой,* – сказал он с улыбкой.

В отличие от велосипедов, на машине приехали быстро. Пока Петр разворачивал машину, искал более удобную стоянку, мы постояли перед входом. Тётушка стояла хмурая, часто закрывая глаза и что-то шептала про себя. Понятно, тётушка Аграма «работает». Наконец, Петр подошел к нам, и мы пошли внутрь. Как только прошли разбитый косяк, я сразу почувствовал напряжение. Я покосился на тётушку. Она слегка в лице изменилась. Остановилась посередине и медленно сказала:

– *Он здесь.*

– *Не понял, где здесь?* – переспросил я.

Тётушка показала на кучу строительного мусора.

Ксения Ивановна вдруг кинулась на кучу. Упала на колени обхватила руками какие-то камни и зарыдала.

– *Ох сыночка мой! Не уберегла я тебя родненький. Как же так Господишшшшш! Почему он? Почему мой сын? Как же я без тебя теперь буду родненький?* – причитала она.

Тяжкое это зрелище, видеть, как мать оплакивает своего сына. Никому не пожелаешь такого горя. Воистину, самое большое горе для родителя – похоронить своего ребёнка.

С трудом оторвав от грязных камней Ксению Ивановну, мы проводили её в машину, немного постояли у кучи и тоже сели.

Обратная дорога была длиннее и тягостнее. По дороге заехали в райотдел, и Ксения написала заявление о пропаже сына. Когда дело передадут следователю, потерпевшего вызовут для выяснения обстоятельств и дело закрутится. А пока можно вздохнуть свободно и немного успокоиться всем.

Глава 4

Назначенный следователь, оказался каким-то обезличенным майором с усталым лицом. Как же он работает? Пришел утром на службу, а уже уставший. Что, так до вечера и будет всем своим видом показывать, как его всё достало?

Майор пригласил Ксению Ивановну на первый опрос, после которого мы с тётушкой тоже написали объяснение по делу, в котором описали все события, участниками которых мы стали. Следователь на первый взгляд был ленивым пройдохой. Как я потом узнал, все трудные дела у него становились нераскрываемыми и сдавались в архив. Вот и с этим делом, он с первой беседы пытался нажать на мать, чтобы она забрала заявление о пропаже.

– Ты пойми мать, может он загулял, или уехал к другу в другую область. Он у тебя сидел, у них, у бывших это стандартная привычка, – свалить и никого не поставить в известность на время, типа «лечь на дно». Он же у тебя не работал последнее время?

– Да. Его никто не брал. Он же вспыльчивый, нервный был, – сказала Ксения и глаза снова наполнились слезами.

– Ну, ну, зачем плакать, я думаю живой он, где-то болтается, и уже скоро вернётся домой, – следак из штанов выпрыгивал, чтобы Ксения Ивановна забрала заявление. Даже, если она потом снова подаст, дело попадёт уже не к нему, а к другому следователю. Но, мы Ксению заинструктировали основательно, чтобы она ни за что не соглашалась и требовала начать расследование. Беседа длилась вот уже два часа, и следаку никак не удавалось уговорить заявителя. Он уже начал нервничать.

В это время, чтобы не дать следователю возможности отказать в возбуждении дела, мы с тётушкой сдали найденную куртку как улику и написали заявления о событиях, которые было до этого.

Описав всё в своем заявлении, я заявил, что возможно труп пропавшего находится в грудке строительного мусора, и что и я, и тётушка Аграма в этом уверены, потому что «по некоторым признакам» которые мы научным языком описать не смогли, – всё показывает именно на это.

Следователь бился смертным боем за закрытие дела. Нету тела – нету дела! Принцип из глубины веков и до сих пор действует безотказно.

В конце концов наши заявления зарегистрировали, и мы уехали домой.

Следующие пару дней прошли спокойно. Я ещё раз съездил на хутор и осмотрел место. Ничего сложного. Пару тройку мужиков с лопатами и пара часов времени, чтобы разбросать полностью всю эту кучу. На наличие трупа указывает даже лёгкий сладковатый запах мертвечины, несущийся от кучи.

Вечером, лежа в кровати я обдумывал как поступить, чтобы машина правосудия хоть как-то сдвинулась с места. Мы с тётушкой были уверены, что погибший сын Ксении там, в этой куче. Милиционеры манкировали своими обязанностями и просто не хотели брать на себя лишнюю с их точки зрения работу.

На третий день к нам домой пришел участковый инспектор, старлей.

– Здравствуйте. Я участковый инспектор старший лейтенант милиции Филимоненко Иван Васильевич, – скороговоркой выпалил он.

– Здравствуйте Иван Васильевич! Проходите на кухню, сейчас самовар поставлю, поьем чайку, – тётушка прикрыла калитку после вошедшего милиционера.

– А квартирант ваш Аграфена Максимилиановна где?

– Он не квартирант. Это мой родной племянник Максимилиан Викторович Бестужев. Он приехал меня навестить на каникулах.

– Ага, значит так, – участковый снял форменную фуражку и почесал затылок.

– Ну пригласите его тоже, беседовать предстоит с обоими, – и участковый оглянулся куда повесить свою фуражку.

– Вон, вешалка сразу за дверью. А Максика я сейчас позову, он как раз дома, никуда ещё не успел уйти.

Участковый сел, положил на стол свою планшетку из кожзама, раскрыл её и достал оттуда несколько листов бумаги и ручку.

Ага, будем писать протокол подумала Аграма и вышла в коридор направляясь к племяннику.

На кухню я зашел как раз в тот момент, когда участковый внимательно слушал рассказ тётушки Аграмы. Он обернулся ко мне, оглядел снизу вверх и сухо вымолвил:

– *Пожалуйста! Сразу возьмите с собой паспорт, чтобы я мог удостоверить вашу личность!*

– *Безусловно, но у меня паспорта нет!*

Участковый удивлённо глянул на меня, и уже было открыл рот чтобы что-то сказать, но я его опередил.

– *Я военнослужащий, курсант военно-морского училища, поэтому у меня не паспорт, а военный билет.*

Взгляд участкового инспектора потух, потом он всё же поднял его ещё раз на меня, и я удивился как на мгновение, он стал пронизывающим, блеснул, и вот опять равнодушный.

– *Ну тогда садитесь, товарищ курсант, сейчас закончу с вашей родственницей и пообщаюсь с вами,* – уже совсем равнодушным голосом сказал старлей и отвернулся.

Ждал я минут сорок, пока он тщательно записал всё, что говорила тётушка Аграма, потом задавал уточняющие вопросы. Я же внимательно слушал, не столько ответы тётушки, сколько оценивал реакцию самого участкового, пытался определить его отношение к этому делу, и привыкал к его методике ведения допроса.

Формалист, подумал я, когда настала моя очередь, и я сел на место тётушки. Ну что-ж, давайте пообщаемся, раз вам делать нечего.

– *Давайте начнём сначала. Назовите свою фамилию, имя и отчество?* – вымолвил старлей и приготовился писать.

Эээ, нет. Так мы делать не будем гражданин участковый, ваши психологические приёмы я уже зафиксировал, и до тех пор, пока вы не определите точно, что это: допрос, опрос или беседа, я играть в ваши игры не буду.

– *Ну, сначала так сначала. Представьте по форме, начиная со звания, фамилии, имени, отчества, и заканчивая должностью, чтобы я мог понять как к вам обращаться в процессе..., эээ..., какое у нас кстати мероприятие?* – я сделал непонимающее лицо и выжидательно посмотрел на старлея. На мгновение я уловил в его глазах вскипающую злость, но он очень быстро потушил в себе желание поставить на место сидящего перед ним наглеца, и очень вежливо, глядя поверх моей головы, представился:

– *старший лейтенант милиции Филимоненко Иван Васильевич, участковый инспектор нижнесерогозского отделения райотдела милиции,* – и внимательно, как будто оценивая, посмотрел на меня.

Ну что-ж, теперь ты понял, что с насюда меня не взять, и на демонстративный пофигизм я не отреагировал, а значит, и в отсутствии заинтересованности участкового в этом деле я тоже не поверил.

– *Замечательно! Теперь удостоверение личности будьте так добры. Вдруг мне придется рассказывать о нашей беседе, а я даже не удосужился уточнить с кем я беседовал. Это же беседа, я так понимаю?* – старлей было смутился, но быстро нашелся.

– А разве я говорил, что мы будем беседовать? Мне надо опросить участников, которые изъявили желание участвовать в этом расследовании на предмет уточнения деталей.

– И у вас конечно же есть опросный лист по установленной форме и предписание, удостоверяющее печатью и подписью вышестоящего начальства?

Старлей встал, достал из заднего кармана брюк свое удостоверение и раскрыв его на нужной странице поднял к моим глазам. Ага, удостоверение хотя-бы подлинное, уже проще.

– Благодарю вас!

Я достал свой военный билет и протянул старлею.

– Гвардии старшина Бестужев Максимилиан Викторович, курсант высшего военно-морского училища Министерства Обороны. Нахожусь в летнем каникулярном отпуске. Вот отпускной билет.

Старлей мгновение изучающе посмотрел на меня, потом бросил мимоходом взгляд на мои документы, положил их на стол и сел.

– Вы правы Максимилиан Викторович, у меня нет ни опросного листа, ни предписания, поэтому, наша беседа, пройдет без фиксации и оформления. Так сказать, тет а тет! – старлей улыбнулся и начал засовывать свои листы обратно в планшетку.

– Ну, поскольку мы уже не в официальных отношениях, давай упростим ситуацию и просто перейдем на «ты»? – он вопросительно посмотрел на меня.

– Не возражаю, раз уж допрашивать не будешь, – я улыбнулся.

– Ты служил в морской пехоте?

– Да. Десантно-штурмовой батальон восьмьсот десятой БМП. Казачья бухта, Севастополь.

Он кивнул головой и губы растянулись в улыбке.

– Эээх братишка! Я оттуда же.

– Да ладно?

– Креститься не буду, не верующий. Кто у тебя был комроты?

– Капитан Крестицкий.

Он кивнул радостно головой.

– Боря Крестицкий мой однокашник по училищу. Мы с ним оба закончили Киевское общевойсковое, ты должен знать...

– Ну, а как же КВОКУ – петухиш, – я рассмеялся вместе с ним.

– Да, нас моряки петухами звали, за красные околышки на фуражках. А мы их шинурками, мы же в сапогах ходили.

– Ну так вот. Мы пришли в бригаду одновременно. Я принял взвод разведки в батальоне разведки, а он стал взводным в ДШБ. Ну и закрутилась служба. Потом первая боевая служба в Средиземке, в районе Сирии. Высадка в Йемене, первый бой. Там меня контузило.

Госпиталь, комиссовали, уволили. Что делать, куда податься? Вот так я стал милиционером. Чтобы как-то карьеру строить, пришлось заочно на юридический поступить, вот учусь и работаю одновременно по специальности. А что делать? Без профильного образования мне хода никуда нет.

– Ладно, это так, для связки слов, так сказать. Ну рассказывай, что вы там нашли и что увидели, что думаешь по этому поводу и что хочешь предпринять? – он расслабился и тепло посмотрел на меня.

Ну вот, братишка, теперь другое дело. А хорошо, что мы вскрылись здесь. Ест надежда что он будет на нашей стороне, хоть как пассивный участник.

Я коротко рассказал всю историю, начиная с просьбы тётушки помочь с поисками и заканчивая заявлением в милицию. Он некоторое время задумчиво смотрел на листы с записями рассказа тётушки Аграмы.

– *Пытаться убедить тебя, чтобы не лез в это дело, не стану! Сам такой, упрямый! Только вот какое дело. Следак, который принял дело, не простой парень с участка. Пришел этот майор к нам из Киева, с богатым шлейфом каких-то нарушений, а то и преступлений.*

Говорят, у него там где-то, есть очень мохнатая лапа, но напортачил он в Киеве знатно, так что и лапа не смогла прикрыть. Любого другого уволили бы без пенсии или даже посадили бы, а этого отправили с понижением сюда, с глаз долой, спрятали можно сказать, на время. Поэтому ведёт он себя вызывающе, даже, я бы сказал нагло, никого не боится, даже нашего Михалыча.

Подполковник Калиниченко Алексей Михайлович знатный сыскарь, спец от Бога. Отдел держал всегда на коротком поводке, и парни землю рыли на работе что твой трактор. А вот на этом чужаке, Михалыч зубы обломал. Позвонили ему из Киева, из министерства и что-то наговорили. Наговорили такого, от чего Михалыч два дня бледный ходил. С тех пор, он с этим майором очень осторожен, и старается с ним не связываться. Ну, Михалыча можно понять, ему два года до пенсии осталось дотерпеть, да и уйти спокойно на заслуженную.

– *А начальник следствия как же?* – спросил я.

– *Да никак. Начальника следственного отдела у нас нет. Точнее должность вакантна. Вот этот майор её временно и замещает. На постоянную он не хочет, видимо надеется, как собственно и мы все, что скоро уедет отсюда на повышение, а может и в сам Киев, кто его знает. В общем, ситуация теперь с этим покойником вашим не очень приятная для следственного отдела. По первичным признакам – «глухарь».*

– *Есть там тело, нет там тела —мы не знаем.*

Старлей посмотрел на меня и уловив признаки легкого негодования в глазах, торопливо добавил:

– *Пока, не знаем! Опять же, даже если мы его раскопаем и там действительно найдем труп, неизвестно в каком он состоянии и от чего преставился. Может вообще от сердечного приступа. Хотя, судя по характеристике этого фигуранта, был он здоровее всех живых. Короче, в преддверии отъезда в область на повышение, майор не хочет портить себе отчетность и взваливать на отдел, а значит и на себя лишней «висяк». Поэтому, он всеми правдами и неправдами будет оттягивать или постарается вообще отказать в возбуждение дела. Меня он отправил именно за этим, чтобы я под благовидным предлогом или упрощенно забрать заявление, или изобразить бурную деятельность с последующей передачей показаний другому офицеру, или «случайной утерей» документов, с последующим восстановлением но уже месяцев через 3—4. У нас теперь это в порядке вещей, – перестройка и новое мышление – главный лозунг десятилетия, мать их.*

– *Однако. Как видишь, законным способом действовать не стал, ни предписания, ни формального опроса-допроса оформлять нельзя. Ему не нужны лишние документы, иначе бы он вызвал вас в отдел, и там провел бы опрос по форме с документами, подписью, фиксацией и так далее. Конечно, то, что ты не стал давать дополнительные показания ему на руку. Но я думаю, что раз уж никто не смог уговорить забрать заявления, он подключит Михалыча, и тот будет обязан вами заняться, – старлей развел руками.*

– *Заниматься он, я так думаю, будет без энтузиазма и, если вы его загоните в угол, умоет руки с чистой совестью. Но тогда, никто не знает, что майор ещё может предпринять. И в этом смысле надо быть готовым ко всему.*

Вошла тётушка Аграма.

– *Может все-таки чайку? Я быстро соображу?*

– *А давайте, – уже просто махнул старлей.*

– *Помочь я тебе особо ничем не смогу, разве что случайно что-то узнаю, или что-то подскажу, да, записывай сразу мой служебный и домашний телефоны, – он надиктовал мне два местных номера.*

– *Я не служу в отделе, поэтому выполняю только отдельные поручения начальника отдела, а так, я просто участковый: драки, кражи, хулиганство, иногда помогаю в расследовании дел, которые связаны с моим районом. Такая вот катавасия братишка.*

Тётушка поставила перед нами горячий самовар и заварной чайник. Откуда-то появилась тарелка с печеньем и конфетами, и мы принялись пить чай.

Как собственно и предупреждал нас Филимоненко, на следующий день раздался телефонный звонок, и дежурный по райотделу пригласил нас с тётушкой в Отдел на беседу с Начальником райотдела подполковником Калининенко.

Мы пришли вместе уже после обеда, чтобы не затягивать это неприятное мероприятие ещё на один день.

Я постучал в дверь начальника, и открыл дверь.

– *Здравствуйте Алексей Михайлович, мы по вызову!* – я посмотрел на сидящего за столом здорового подполковника, и представил себе, как он подчинённых держит на коротком поводе. Стало смешно, и я улыбнулся.

– *Не по вызову, а по приглашению,* – подполковник встал и тоже улыбнулся.

Психолог блин, синхронизируется. А вот хрен подполковник ты со мной синхронизируешься психологически. Я знаю на что ты способен, а ты обо мне ничего не знаешь.

– *Садитесь Аграфена Максимилиановна, рад Вас видеть в добром здравии и хорошем расположении духа* – и он ещё шире улыбнулся.

– *Акститесь Алексей Михалыч, я ещё не старая бабка, чтобы с клюкой ползать и ворчать на всех и вся,* – тётушка от негодования прям вспыхнула.

Вот ты дуб подполковник, с первых же минут обратил против себя фигуранта, в котором ты заинтересован. Теперь он на тебя будет реагировать вызывающе. Она же женщина, а женщине нельзя намекать на возраст, загрызет... или будешь кровником до конца жизни. Я с улыбкой сел на предложенный стул.

– *Ну простите Аграфена Максимилиановна, я Вас не хотел обидеть, само вылетело,* – подполковник вроде повiniлся.

– *Ага, служба располагает, да и язык без костей,* – сказала с сарказмом тётушка Аграма.

Ээх! А сейчас подполковник, тебе лучше промолчать. Нельзя признаваться в дурости, собьёшься с мысли и брякнешь опять что-то невпопад. Только усугубишь ситуацию.

– *Хотите чаю?* – вдруг спросил подполковник.

– *Нет, спасибо. Давайте к делу, да и разойдемся, дел очень много,* – засуетилась тётушка Аграма, пенсионерка, которая целыми днями или болтала по телефону, или читала книгу.

– *Ну, к делу так к делу,* – подполковник глянул на свои часы и сел в кресло.

– *Пригласил я вас сюда вот по какому поводу,* – он сделал паузу, взял со стола стакан и сделал глоточек. Маааленький такой глоточек. Подполковник пить не хочет. Он волнуется. Ему что-то очень надо, а вот как начать он не знает.

– *Вы написали заявления по делу о пропаже Василия Савицкого. Заявление матери мы зарегистрировали, но дело пока не возбудили. Пока непонятно, на самом ли деле он пропал, или просто уехал куда.*

– *Ага, уехал так быстро, что забыл мать предупредить, и к отъезду переодевался в костюм с бабочкой в развалинах бывшего хутора,* – с сарказмом добавил я к речи подполковника.

– *Не перебивайте меня молодой человек!* – подполковник вспыхнул и попытался быть строгим.

– *Алексей Михайлович! Для того чтобы я слушал вашу речь и не перебивал, надо сначала определиться с нашим статусом. Кто мы здесь? Подозреваемые? Свидетели? Просто*

фигуранты? И самое важное, в каком мероприятии мы участвуем? Допрос? Опрос? Беседа по душам? Просто беседа?

– Не взъежитесь Алексей Михайлович, таковы правила, Вы как-никак не директор рынка и не режиссер театра, а начальник милиции, и в этом учреждении всегда надо знать в каком качестве ты находишься, потому как расслабившись очень быстро можешь поменять статус, – я прямо посмотрел в глаза подполковнику.

– М-да. А Вам, я смотрю, Максимилиан Викторович, палец в рот не клади! Откусите до локтя. Мне кстати это нравится, хваткие, упрямые, из таких выходят хорошие офицеры, — подполковник кивнул головой.

– Я смотрю, Вы даром время не теряли Алексей Михайлович, справочки навели, всё, что хотели обо мне узнали.

– Ну, положим, не всё. Так, по мелочам. Но главное я действительно узнал, и меня это не порадовало.

– Увы, Алексей Михайлович, не все в жизни должно радовать, иначе она превратится в сладкий йогурт, или как в песне «Машины Времени» в сладкий кефир. А жизнь иногда должна быть и горькой, и соленой, потому как, только тогда человек может чему-либо научиться.

– А Вы, я смотрю, философ, Максимилиан Викторович. В столь молодом возрасте удивительно слышать от Вас такие мудрые речи.

– Молодость, Алексей Михайлович, имеет один существенный недостаток, – быстро проходит! И, если не успел помудреть, так и остался дураком!

– Давайте все же продолжим нашу беседу, – подполковник кивнул головой и посмотрел в свой блокнотик, который стоял открытый на столе.

– То есть, это всё же беседа. И никакой фиксации не будет? – я вызывающе посмотрел в глаза подполковнику.

– Да. Вы абсолютно правы. Мы просто побеседуем.

– Ну что-ж, давайте попробуем, может у нас что-то и получится. Мы вас слушаем, – я демонстративно закинул ногу на ногу.

Подполковник сделал вид, что не понял демонстративной позы и продолжил:

– Вот вы в заявлении пишете, что уверены в том, что тело пропавшего находится под грудой мусора в развалинах хутора.

– Усадьбы, – поправил я.

– А какая разница? – удивился подполковник.

– Большая. Если задать себе пару вопросов, что мог делать Василий Савицкий в развалинах хутора, который развалился до его рождения и почему его убили именно там, то становится понятно, что это имеет смысл, только если принять во внимание что это не хутор, а усадьба. А если связать с этим и тот факт, что сам Василий несколько раз в разговоре с матерью говорил, что они ищут какой-то клад, то становится понятно почему именно усадьба, а не, например, развалины старого свинарника. Там кстати удобнее, и тело спрятать проще. Но нет, выбрали усадьбу. А, если связать эту информацию со слухами, которые не одно десятилетие блуждало по миру и не один десяток авантюристов искали тут сокровища капитана Моргана...

– Какого, какого капитана?

– Моргана, Алексей Васильевич, Моргана! Был такой пиратский капитан в средневековой Англии, который грабил корабли богатых испанских торговцев, а потом спрятал свои сокровища на некоем необитаемом острове. С тех пор не одна тысяча авантюристов ищет эти сокровища, лелея надежду стать богатыми в одночасье, – однако я сказал это вполне серьезно, хотя тянуло на ржачную шутку. Подполковник бы не оценил.

– Так вот. Если связать указанные факты с данными слухами, то становится понятно, что убить его могли только тут, и мотив для этого тоже можно найти, не стараясь высосать его из пальца, потому что он на поверхности, – я сделал многозначительную паузу.

– И какой? – подполковник аж привстал со своего кресла.

– Не поделили найденные сокровища Алексей Михайлович.

– Вы полагаете что они что-то нашли? – подполковник с сомнением покачал головой.

– Я в этом уверен! Незадолго до своей пропажи, Василий предлагал тётюшке Агране купить некие кольцо и серьги из старинного золота с массивными камнями. Он их ей даже показывал. Форма ювелирных изделий, их обработка, огранка камней указывают на то, что это старинное золото, не новодел. Сегодняшние ювелирные изделия тонкие и камешки мелкие, видны только в сильную луну. То, что это старинное золото тётюшка подтверждает, Вы сами знаете, кем она была и такое золото видела не раз, и не два в своей жизни. Во всяком случае такие изделия в свободной продаже отсутствуют.

– Ну, скажем, весьма смутный мотив, – подполковник покачал головой.

– Если сидеть на попе ровно, и ничего не делать, то это будет смутное напоминание о лени! А вот если всё же предпринять некоторые действия, то очень может быть, что появится ниточка, которая приведёт к разгадке.

– И что же вы предлагаете сделать? – подполковник с сомнением посмотрел на меня.

– Для начала Алексей Михайлович, возбудить дело, благо первичные материалы уже есть и их достаточно для того, чтобы хотя-бы начать поиски пропавшего при неизвестных обстоятельствах жителя поселка Василия Савицкого. Вторым шагом, пригласить понятых, медиков, экспертов, и на основании даже призрачных подозрений, основанных на наших заявлениях, которые по большому счету Вы должны проверить, раскопать эту кучу строительного мусора! А мы уверены, что тело там, иначе зачем было валить всю стену, приложив для этого недюжинные трудовые усилия? И третьим шагом, найдя тело, переквалифицировать дело на статью «убийство» и начать нормальное расследование. Ну, а дальше Вы сами знаете, что надо делать, – я замолчал.

– Все это очень занятно Максимилиан Викторович, но, есть масса условностей, которые не стыкуются в этом деле. Да даже элементарно, для всех этих действий нужно время и согласование с вышестоящим начальством. Например, экспертов у нас нет. Придётся их заказывать в области. А они и там нарасхват. Когда эксперты к нам смогут приехать, ещё бабушка надвое сказала. А следом и вскрытие, и полная экспертиза тела, тоже временной промежуток будьте – нате. И дальше что? Начинать копать все окружающие леса в надежде лет через «цать» найти этот клад? – подполковник отрицательно помахал головой.

– Ну, ну, ну Алексей Михайлович, мы то с Вами знаем, что это не так, и даже знаем как, но как видится – не хотим!

– Согласен, можем. Но это сложно, заморочно и долго. Для этого нужны силы и средства, а у нас их нет!

– Поэтому мы сидим сложа руки и просто ставим галочки напротив пунктов планирования мероприятий, – я возмущенно махнул рукой.

Подполковник встал и зашагал по кабинету. В эту минуту я понимал его трудности, но даже не думал входить в его положение.

Каждый раз, входя в чьё-то положение, мы идём на сделку со своей совестью. Сколько раз я это делал, каждый раз потом все возвращалось бумерангом мне же. Нет уж, увольте.

– Ну вот что, Максимилиан Викторович. Я Вам запрещаю что-либо предпринимать до тех пор, пока следователь не примет какое-то решение. Да и вообще, мы правоохранительная структура, и это наша прерогатива вести следствие, а Вы просто гражданин, хотя и с определённым потенциалом.

– Так-то это так. Но Вы забываете, что ставил Вас на это место подполковник – народ, для того, чтобы Вы охраняли мирную жизнь граждан. А Вы охраняете эту жизнь только на бумаге. Если Вы знаете, а я уверен, что знаете Уголовный Кодекс, там есть статьи про бездействие правоохранительных органов. И любая прокурорская проверка это выявит мгновенно. А проверка поверьте мне, будет не местная, а скорее всего придет даже не из Киева.

– Вы мне так витиевато угрожаете? – подполковник нахмурил брови.

– Увы, Алексей Михайлович, но нет. Я военнослужащий министерства обороны, и, если не дай Бог что, дело будет передано в военную прокуратуру, а как известно, военная прокуратура не подчиняется территориальным органам, а исключительно вышестоящему прокурору, который занимает должность заместителя генпрокурора Союза, так что, откуда придёт проверка, сами понимаете, лежит на поверхности.

– В таком случае, я вынужден Вас арестовать, для Вашей же безопасности, суток эдак на 15, пока Вы не решите уехать восвояси из нашего поселка.

– Вы себе льстите Алексей Михайлович, ничего Вы не можете, ни арестовать, ни даже задержать меня. Для этого нужна очень веская причина и ордер, подписанный местным прокурором. Но прокурор Вам ордер не подпишет, будь он хоть сто раз ваш друг, по той же причине по которой Вы не можете меня арестовать. А попытайтесь Вы подделатъ документы или притянуть дело за уши, это станет известно буквально сразу, и Вы опять попадаете под пресс этого же самого правосудия от имени которого выступаете. Так что у Вас только один выход – исполнять закон! Попытка по формальным основаниям уйти от исполнения долга, закончится печально, и дело даже не во мне, да Вы и сами это прекрасно осознаете, – я легонько стукнул кулаком по столешнице.

– И кругом то Вы правы, Максимилиан Викторович. Всё предусмотрели, кругом обставились, хорошо подготовились к нашей встрече. Знаете, в чем беда сегодняшней правоохранительной системы? – подполковник погладил свой подбородок.

– Нет. Надеюсь Вы подскажете, я ведь не служу в ней, – отреагировал я.

– Беда и главная проблема в таких как Вы, грамотных, знающих, правдорубах, которые везде ищут исключительно светлые тона. А жизнь она разноцветная, и очень часто в ней превалят именно серые или даже черные цвета.

– У Вас, Алексей Михайлович, от длительной службы в правоохранительной системе развилась профессиональная деформация сознания. Вам пора менять работу или уйти на пенсию, если не хотите в глубокой старости страдать от психических проблем, – и в этом я абсолютно уверен продолжил я мысль про себя.

– Уйдешь тут с вами. Уже как в той поговорке: «Не до жиру, быть бы живу». Я вот одного не понимаю? Чего Вы вцепились в это дело как бульдог мертвой хваткой? В конце концов Вы в отпуске, кругом лето, девушкики, речка, пиво, кооператоры? Неужели всё это меркнет перед возможностью раскрыть пустяковое дело?

– Ну, для Вас оно может и пустяковое. А для матери потерявшей сына – это вселенское горе. А в целом, Вы сами ответили на свой вопрос Алексей Михайлович. Я военный и для меня существует только две крайности: правда и неправда! Полуправды быть не может. Опять же, если привести тут ещё одну народную поговорку: «нельзя быть немножко беременной», это однозначное состояние, или да, или нет! Я обещал этой женщине помочь найти сына. И для меня, исполнить своё обещание – святой долг! Я ведь с Ваших же слов не носитель многоцветья мнений – я улыбнулся, – В конце концов, в разноцветном обществе должны быть и крайности, иначе общество не развивается.

Подполковник утвердительно покачал головой.

– Ну что-ж, я в принципе чего-то подобного от Вас и ожидал, и не особо верил в успех этого начинания. Ваше право интересоваться и поступать так, как считаете нужным.

Единственно хочу предупредить: если будете мешать правоохранителям, я буду вынужден обратиться к прокурору за орденом о выдворении Вас по месту постоянного жительства.

– Ну что-ж, товарищ подполковник, значит война! – я встал, собираясь выйти.

– Сядьте! Я ещё не все сказал, и собственно для этого я Вас сюда и пригласил, так что разговор только начался, до этого мы с Вами только тренировались, – подполковник достал из шкафа три стакана в мельхиоровых подстаканниках, откуда-то из боковой ниши вытащил горячий чайник и налил всем чаю. На столе появилась ваза с конфетами, и мы все дружно занялись шуршанием фантиков и хрустом карамелек с повидлом. Да уж, шоколад, который появился в каждой торговой точке, к чаю как-то не очень. А вот карамельки, ммммм!

– Когда-то давно, когда я только-только закончил школу милиции, будучи на своей первой офицерской должности, отказал одному партийному клерку, маленькому такому клерку, в возбуждении уголовного дела против двух работяг, с которым он что-то по взрослому не поделил. Пришел он от начальника следствия области. Я был такой же категоричный как Вы, людей делил на своих и предателей. Меня даже собственный начальник пытался убедить, что надо быть гибче, смотреть ширше, копать глубже.

Смешно, но тогда я был счастлив и полон планов, несмотря на то, что мне пригрозили увольнением, разрушением карьеры и так далее. Я открыто послал клерка, дело закрыл. А когда меня начали прессовать, просто перевёлся в сельскую местность, где был страшный недобор кадров и спокойно продолжал служить.

Женился, родились дети, потом выросли, сами создали семьи. Но в жизни не все всегда гладко, бывают и ухабы, а иногда и горы.

Дочка возвращалась ночью из Херсона, и на трассе столкнулась со служебной «Волгой» обкома. Машина в хлам, дочка цела, но сильно порезалась, ногу сломала. В «Волге» никто не пострадал, удар шел по касательной и Жигули просто смял двери со стороны водителя и заднее крыло. Водитель «Волги» был пьян, а с ним и два его друга, в таком же состоянии. Я не успел приехать вовремя, меня поздно предупредили, и когда я приехал на место, там уже был начальник областного ГАИ, представитель обкома, начальник гаража обкома, «скорая помощь». Я подошел к водителю «Волги», а от него разило так, как будто его поливали самогоном. Двое других были не лучше. И ни у одного из них ни царапины. Наряд ГАИ добросовестно выполнил свою работу, заполнил и подписал протокол, из которого следовало, что вина за аварию полностью на водителе «Волги», который не справился с управлением автомобиля и выехал на встречку. Там шоссе было пустое, как его на встречку то выбросило, до сих пор понять не могу. Ну да ладно, – подполковник долил себе кипятка в стакан и продолжил.

– Подписали протокол и разъехались. А на следующий день всё началось. Против дочки возбудили уголовное дело за покушение на жизнь второго секретаря обкома. Самого чиновника в машине не было, но какое это имеет значение для следствия, если это его служебная машина? По имеющимся в деле документам, водитель был трезв, и с ним в салоне никого не было! А 20-летняя девочка за рулем тройки «Жигулей» специально врезалась в служебную «Волгу», и только «мастерство» водителя уберегло машину от тяжелой аварии. И никакого значения то, что я сам там был и видел своими глазами всех этих водителей, представителей, гаишников. Все отводят глаза и только бубнят: «Извини Михалыч».

В общем, дочке грозило до 15 лет за акт терроризма. Я тогда за месяц поседел. А потом, позвонил мне из Киева однокашник по школе милиции, я, то да се, горе такое. А он возьми и брякни: «Неправильно ты живешь Михалыч, тебе бы дружбу вести с нужными людьми, а ты дружбу водишь с законом». В общем, дал он мне нужный телефон, связал с нужным человеком. Тот за деньги вывел меня на высокопоставленного чиновника из ЦК республики. Ну, насколько он там высокопоставленный я конечно даже сейчас не знаю, но телефон был цекковский, зуб даю.

Позвонил он мне вечером, как раз я собирался домой, как зазвонил телефон отдела. И напомнил он мне все мои понты и отказ возбудить дело, и матерные ругательства, и отъезд в глубинку.

Я тогда был готов всё что угодно сделать, чтобы девочку свою спасти. В общем, согласился я на него работать, на этого цековского хмыря.

Дело замяли быстро. Уже через день, позвонил следователь и сообщил что дело закрыто за неимением состава преступления. Дескать, гаишники что-то там напутали при замерах, и теперь авария выглядит по-другому и КГБ больше этим делом не занимается. Обкомовские потребовали восстановить «Волгу» за свой счет. Ну какие это затраты по сравнению с тем, что доченька моя будет свободна? В общем, на радостях я больше и не заикался ни о чем. Восстановил я за свой счет эту злосчастную «Волгу», но с тех пор жил под колпаком.

Обращались ко мне по этому каналу не часто, в основном по каким-нибудь кадровым вопросам, там милиционера взять на службу, а потом перевести с повышением, где-то документы организовать нужным людям. Я понимал, что всё это незаконно, но каждый раз вспоминал о своей доченьке и молил Господа о том, чтобы все было хорошо.

Полгода назад, прислали мне из Киева как раз на вакантную должность начальника следственного отдела этого майора. Но, прислали с кучей условий, что он временно, и что мне надо его «просьбы» выполнять. Майор был странный, да и наглеть начал с первого дня службы. Я пытался его поставить на место, но... он пожаловался и мне из Киева позвонили.

Мне осталось два месяца до пенсии. Да. Всем говорю, что чуть больше года, но на самом деле два месяца, после чего могу написать заявление о выходе на пенсию и доработать до конца года, или может ещё один год. У нас в сельской местности, где до сих пор кадровый голод, это нормально. Поэтому я не стал лезть в бутылку, а просто смирился с неизбежным, – подполковник собрал стаканы и вынес их в соседнюю комнату. Вернувшись, он продолжил:

– Почему майор всеми силами пытается закрыть это дело я не знаю. Есть разные пути затянуть его и в конце концов закрыть. Но ему надо сразу и сейчас. Я подозреваю, что с этим делом связаны серьёзные дела или события, не зря его отправили именно сюда, майора на капитанскую должность. Им очень сильно нужен здесь свой человек и именно сейчас. Для чего не знаю и даже предположить не могу. Я хочу спокойно дожить до пенсии и просто уйти, поэтому никуда влезать не стану. Если это крупное экономическое преступление – это дело КГБ. Вряд-ли дело идёт об измене Родине. Мы тут, в жопе мира, никому не нужны, да и стратегических объектов у нас никаких. Так что надежда на спокойную старость у меня все-таки есть.

Что касается тебя Макс, я боюсь, что все не так просто. Ты ему очень сильно мешаешь. Я видел его лицо, когда он говорил о тебе. Это не злость, это ненависть. Я не знаю, где ты ему дорогу пересёк, но ...я знаю людей, я всю жизнь с людьми работаю, поэтому этот типаж мне доподлинно известен. Он постарается тебя отстранить, или, что ещё хуже, убрать. Сейчас нанять пьянчужку или наркомана, который пьрнёт ножом за дозу, проще простого, даже в нашем занюханном краю. Так что будь осторожен, не подставляйся, а ещё лучше, ходи всегда с кем-нибудь, не дай ему шанса, – подполковник сделал паузу, пристально посмотрел на меня и продолжил:

– Я влезать в это дело не буду. Мне край, и я хочу выйти из игры цельм и счастливым пенсионером. У меня уже любимые внуки, которые меня каждый вечер ждут со службы. Я не оправдываюсь, просто никто не знает, что будет завтра, а мне хочется спокойно встретить старость, – и подполковник посмотрел мне в глаза, открыто, честно.

– Алексей Михайлович! Я не надеялся на такой результат. Думал, что в лучшем случае расстанемся недружелюбно, а скорее всего противниками. Да, я понимаю, какой я, курсант, для вас противник, – я улыбнулся.

– Ну это ты зря Макс. Ты обладаешь парадоксальным мышлением, и логика у тебя встраивается автоматически, даже применять не надо. Это нам, простым смертным надо всегда следить за логикой событий. Так что противник ты серьёзный. Тебя можно задавить только по беспределу, да и то не в «физике», потому как по «физике» ты любому моему милиционеру дашь фору сто очков вперёд.

– В общем так. Сейчас с постными лицами выходите из моего кабинета и идёте домой. Помни о моём предупреждении. Считай, что ты уже на войне, только война у тебя тайная, но любой встречный незнакомец, особенно в безлюдных местах, может оказаться твоим киллером. Ну а я, скажу, что договориться не удалось, но ты обещал, что скоро уедешь. Может быть, он оставит тебя в покое, в надежде, что с твоим отъездом всё само собой устаканится.

Глава 5

Проснулся я поздно. Было уже пол одиннадцатого, когда по загремевшим на кухне кастрюлям, понял, что день начался и пора вставать, а то останусь без завтрака, а самому что-нибудь приготовить влом.

– *Доброе утро тётюшка!*

– *Доброе Макс. Я тебя разбудила?*

– *Да нет. Я уже сам проснулся, обед же скоро, а я не завтракал, непорядок. У меня со времён срочной службы привычка – обязательно съесть и завтрак, и обед, и ужин, потому что в любой момент могут куда-то послать и поесть будет уже некогда, да и нечего, как собственно и поспать.*

– *Ну, тогда садись за стол. Сегодня у нас на завтрак сырники со сметаной. А сметана домашняя, такой вы там в своих городах не едали, – тётюшка рассмеялась задорным смехом.*

– *Ну, мы в городах много чего не едали и даже не видели. Например, сестрёнка моя Валя, она до сих пор верит, что в деревне булки на дереве растут, а колбаса прямо батонами на свинье, так что мы в этом смысле ментально девственно чисты, – я рассмеялся своей шутке.*

В это время в коридоре зазвонил телефон.

– *Тётюшка, там твой музейный аппарат разрывается в трелях бессмертной музыки, – я показал пальцем в сторону коридора, где на тумбе торжественно восседал черный эбонитовый телефонный аппарат времён октябрьской революции.*

Минуты две тётюшка шла, потом раздалось её: «Аллё».

Ещё через две минуты тётюшка вернулась и в дверях глазами показала мне на коридор:

– *Филимонов, тебя.*

Я все сразу понял, и пошел слушать Филимонова.

– *Здравия тебе братишка, – Филимонов не стал долго рассусоливать, сразу перешёл к делу.*

– *Значит слушай. Твой вещдок пропал! Мешок, в котором он был, на месте, в ящике для вещдоков, но внутри ничего нет. Кто брал, куда дели – никто ничего не знает. Но это не всё. Папку с заявлениями и первыми протоколами, секретарь по ошибке уничтожила по акту. Формально в приказе стоит подпись Михальча, но пол отдела умеет за него расписываться, в нашей деревне всегда упрощенно относились к некоторым вопросам, и, если Михальча не было на месте, ставили подпись за него, конечно заранее предупредив самого Михальча. И вот теперь, папку уничтожила секретарша, как положено по акту, который аккуратно подписала и пришила, вместе с приказом об уничтожении списанных документов.*

Я узнал случайно. Зашел с утра в отдел, а там скандал в самом разгаре. Майор сидит в углу и делает вид, что его это не касается, он с этими документами не работал. Михальч на всех орёт, делает вид что серьёзно озабочен. Ну и отдел делает вид, что оправдывается. Но факт остается фактом – дело сожгли, вещдок пропал! Отсюда вывод, дело ооочень серьёзное! И тебе надо быть вдвойне осторожным. Если всё это в наглую вот так, боюсь, они попытаются тебя устранить. Да, насчет телефона можешь не беспокоиться. У нас нет технической возможности прослушивать телефоны, так что даже при очень сильных хотелках – это невозможно. Надо заранее согласовывать время с областным управлением, получить ордер прокурора, а на всё это требуется время. В общем такие вот новость! Ежели что, звони! Пока.

– *Пока, -мда, сказать, что Филимонов меня озадачил, ничего не сказать.*

После завтрака я просто лежал на кровати поверх покрывала и думал.

Конечно, там критического количества документов небыло, поэтому нет проблемы их восстановить. Да, для начала надо разобраться с секретарём, с поддельным приказом на уничтожение документов, но... это никто в отделе делать не будет. Тем паче, дела то нет. Точнее пока ещё не возбуждено.

Но почему так нагло? Что, не подождать, не дожидаться удобного случая, чтобы «потерять» всё без подозрений? Значит... спешат. Ой спешат! Что-то у них там случилось и они начали действовать несмотря на опасность допустить серьёзные ошибки! Но что? И где найти эту информацию?

По всему получается, что на данный момент единственный подозреваемый в этом деле, с учётом последних событий – майор! Ну, он мне точно не скажет, значит...

Значит надо установить за майором наружное наблюдение и посмотреть с кем он встречается, может подслушать о чём они говорят? М-да. Лиха беда начало называется.

Надо подумать, как замаскироваться, чтобы не вызвать подозрений и не попасться на глаза самому майору, или возможным понятым, агентам, или кто там ещё в деревнях, работающих на милицию. А ведь, у него, как оперативника, практически алиби по встрече с кем угодно, – это называется работа с агентурой! Черт. Час от часу не легче.

Так, надо собираться, нечего валяться, работать надо. Если и пойдёт майор на встречу с агентурой, то сегодня. Именно сегодня, пока в отделе разборки. Они спешат, и времени у него на ожидания нет. Значит, под сурдинку скандала – встретится с агентами и возможно раздаст некие указания. Методом чтения по губам я не владею, так что узнаю минимум, с кем встречается и возможно удастся подслушать хоть что-то. Но и это уже немало. Раздался телефонный звонок.

– Тётушкаaaaaa! Телефон!

– Макс, возьми трубочку, у меня руки грязные, я пока вымою и подойду.

– Хорошо, – я встал с кровати и направился в коридор к телефону.

– «Алло!» - телефон что-то протрещал, потом из трубки вырвался голос подполковника Калиниченко.

– Макс! Я думаю для тебя эта информация будет интересной. Сегодня с утра я запросил сданный тобой вещдок для изучения и мне доложили, что вещдок пропал. Мешок, в котором он был с биркой на месте, а сам вещдок пропал. Но это ещё не всё! На мой запрос дела о пропаже Василия Савицкого, мне принесли акт об уничтожении дела и письменный приказ на уничтожение, подписанный мной...

– Уже знаю!

– Как? Ты уже заимел агентуру в моем отделе? -подполковник удивлённо хмыкнул.

– Нет, я это изначально подразумевал, – соврал я.

– Ну, в любом случае, ситуация ускорилась, так что тебе уже надо быть начеку. Я подозреваю, что охота на тебя уже началась, подполковник не прощаясь положил трубку.

– Маакс! Кто это был? -тётушка так и не успела помыть руки.

– Да так, номером ошиблись.

* * *

– Тётушка Аграма? Ты будешь дома?

– Да, а что?

– Я пойду на рынок, и по дороге зайду в аптеку, может чего надо?

– Да нет Макс, хлеба и молока я уже купила с утра, а больше ничего и не надо.

– Хорошо. Я буду часика через три, ну может чуть раньше, – я натянул на голову новомодную, только появившуюся в городах кепку-блейзер, постучал по карману проверяя на месте ли кошелёк с деньгами, и по привычке посмотрел на часы. Да, уже можно двигаться, народу на рынке уже не протолкнуться. Там и будет мой первый пост наблюдения за райотделом. Майора я помню хорошо, его силуэт даже в отдалении не спутаю. Ну Макс – с Богом!

На рынке было и вправду многолюдно. С началом перестройки выплыло большое количество разных кооперативов, товариществ. И все они что-то производили и этим же торговали на рынках. Ради такого случая, даже законодательство изменили, разрешили на колхозных рынках торговать товарами местного производства. Ну, а как же не воспользоваться этим? Наравне с производственниками появилась и целая прослойка перекупщиков. Не знаю, правда ли, но говорят, в Польше даже в паспортах этим предвестникам дикого восточного капитализма пишут: «шпекулянт». Раньше вся эта категория «новых капиталистов» преследовалась по закону, а сейчас некоторые даже гордятся. Появились новые профессии, типа «бизнесмен», которых раньше быть не могло. Мир менялся, и мы менялись вместе с ним.

Райотдел находился от рынка недалеко, на другой стороне улицы наискосок, поэтому наблюдать за ним было удобно. Я купил стакан семечек, чтобы не отличаться от местных, и натянув кепку поглубже, начал лузгать совсем по-деревенски, выплёвывая шелуху прямо перед собой. Как-то не по себе от этого, но что делать, деревенские привычки они неистребимы, и чуждое поведение сразу бросается в глаза.

Стоять на одном месте мне надоело, и я решил походить, а заодно подобраться поближе к отделу. Недалеко от меня стояло три человека, которые по моим ощущениям тоже косили под местных. По изучающим взглядам, которые эти товарищи бросали вокруг, было понятно, что они за кем-то или за чем-то наблюдают. Мало ли, подумал я, может мне просто показалось, или у меня болезненная подозрительность на фоне этого дела. Я решил подобраться к отделу со стороны промтоварного магазина, а для этого мне надо было его обогнуть. Я дошел до второго угла и вдруг навстречу выскочил невысокий парень в сером пиджачке и папиросой во рту. Лицо индифферентное, вроде как мимо, но я почувствовал опасность, взглянул в его глаза и понял, что сейчас он нападет. Почти сравнявшись со мной, чужак сделал длинный выпад и вскинул руку вперед. Но я в это время уже скользнул ему за спину, и схватив руку выше ладони ткнул ею в правую ногу. Он вскрикнул, и я отпустил его руку. Из его правой ноги торчала заточенная арматура с приплюснутой и закрученной ручкой.

Ну вот! Первый звоночек, или точнее первое покушение!

Я не стал останавливаться, предполагая, что он не один и сейчас может позвать на помощь. Выскочив практически перед райотделом милиции, я нырнул в сторону от проходной в близлежащие кусты сирени. Убедившись, что меня не видно, я стал наблюдать. Вот из-за угла выскочила троица с раненым. Один начал оглядываться в поисках чего-то. Второй помогал раненному идти, с перетянутой какой-то тряпкой ногой. Хм, и не боятся маячить у райотдела милиции? Интересно девки пляшут! Что-то тут не чисто. Не были ли это менты, принявшие меня за какого-нибудь бандикоса. Если так, то меня примут прямо дома и крикнуть не успею. Хотя, а зачем тогда он на меня напал с заточкой? Менты бы меня заломали на рынке, заковали бы в наручники и тут же в отдел, через дорогу. А эти стояли почти возле меня час, если не больше, а потом реши меня прирезать.

Прам-парам-парам! Значит чужие. Но кому я перешёл дорогу? И где?

Вроде ни в какие дела местные не ввязывался, ни с кем не ссорился, не дрался. Тихо приехал, спокойно гуляю, никого не трогаю. Человек десять, двадцать, которых я здесь знаю и, которые знают меня, по идее даже пока не в курсе, что я приехал, да и небыло у меня ни с кем стычек или вражды.

Ох не зря Филимонов, да и подполковник предупредили, действительно надо быть начеку. Что-то пошло не так у майора, и он всё же решил подстраховаться и меня ликвидировать, пока я ему дорогу не перешёл по-взрослому. Может и так. Может это действительно майор со своей шайкой.

Из здания райотдела вышел подполковник и... майор собственной персоной. Майор скользнул взглядом по стоящей на тротуаре троице и отвернулся. Рядом с ними остановился

милицейский УАЗик, и начальник отдела со своим подчинённым сели в служебную машину и тут же уехали. Буквально через несколько минут рядом с нападавшими остановилась бежевая единичка «жигулей», и вскочив в машину они тоже уехали. Фуууух! Мне тоже можно трогаться в сторону дома, сегодня уже ничего интересного не предвидится, да и обдумать надо событийный ряд, что делать дальше.

Я вышел из укрытия и спокойно пошел на рынок. Некоторое время двигался вдоль магазинов наблюдая, нет ли за мной слежки. Убедившись, что нет, решил идти домой.

Не доходя квартала до дома тётушки, я вдруг обнаружил в тупичке стоящий бежевый «жигуль».

Занятно! Либо они здесь остановились, либо спрятали машину и где-то тут меня ожидает засада. Ну что, идти, не идти? Можно конечно понаблюдать, уточнить диспозицию противника, потом, как говорится, нанести удар. Но, на дворе вечер, и, черт побери, там же тётушка, молнией пронеслось в моей голове.

Я свернул за угол и увидел его. Я служил в ДШБ морской пехоты и комплекцией Бог меня не обидел. Но, это был громила метр девяносто с гаком, не меньше. Он сидел на придорожном камне и строгал какую-то палку ножом. Почувствовав мой взгляд, он обернулся, увидел меня и встал. Я медленно пошел по улице лихорадочно соображая, как его атаковать. Он ухмыляясь пошел мне навстречу. Не доходя метра два, я остановился, он тоже.

– *Что пацан, ссышь?*

– *Не, чуточку подсыкаю, а так не,* – я нагло ухмыльнулся.

– *Да ты не бойся, я аккуратно и небольно,* – он опять улыбнулся.

– *Не согласен. Боюсь джинсы кровью забрызгать, потом тяжело отстирываются..*

– *Какое тебе уже дело до джинс. Твоими джинсами займётся «Котел», ему как раз в размер будут,* – сказал громила и начал сближаться.

– *Говорили, будто ты морпехом был, а по мне так навряд-ли, щупленький больно,* – он повернулся боком, уменьшая проекцию. Осторожный зараза.

– *Не соврали, тока я на кухне служил, посуду мыл, ножики точил, картоху чистил,* – сказал я, стараясь казаться сельским простофилей.

Он ухмыльнулся довольный и сделал ещё шаг, и я нырнул в ноги, приняв решение атаковать противника подсечкой лёжа.

Он успел перекинуть нож в правую руку, но сообразить где я за секунду не успел. Моя нога, описав дугу ударила его по голеностопу в инерции сминая обе его ноги. Тело громилы переломилось пополам и его ноги взлетели вверх, в то время как туловище грохнулось в дорожную пыль. Рука успела махнуть ножом в мою сторону, но вспорола только воздух уйдя в пустоту. В это время в развороте я ударил носком кроссовки в висок. Готов!

Я вскочил на ноги и осторожно подошел к поверженному противнику. Отбил нож ногой в сторону, оглядел его сверху, наклонился и прощупал пульс на шее. Пульс был и достаточно бодрый. Громила в глубокой отключке. Но минут через 10 придёт в себя! Такие надолго в трансы не впадают. Ну, а мне надо быстренько ретироваться.

Опа! Ножик. Надо ножик прихватить. Потом за вещдок сойдет, когда нужный момент наступит. Я пощупал карман громилы в поиске носового платка, и наткнулся на что-то твердое. Аккуратно двумя пальцами вытащил из кармана металлический скользкий предмет и пред моим удивлённым взором оказался настоящий немецкий «Парабеллум». Вот это дааа! Да пацаны вооружены по последнему писку! Хорошо, что он в начале всё-таки начал с ножа, а не с пистолета.

Я завернул пистолет и нож в листы придорожного лопуха, и спокойно пошел по дороге.

Тетушка Аграма беззаботно хлопотала на кухне над объемной кастрюлей, в которой варился настоящий густой украинский борщ!

Я хотел нырнуть в тёмный коридор и уединиться, но она меня заметила.

– *Максик, ты уже пришел? Куда-нибудь ещё пойдешь сегодня? Или будешь дома?*

– *Не знаю. Скорее всего ещё пойду, чуть попозже,* – только поговорю с Филимоненко, подумал я. Это у меня только что появилась идея, спросить у участкового, может он знает, где обычно майор по вечерам болтается, где время проводит.

– *Тогда, хоть дождись борща, а то ты с утра голодный небось, а у меня в холодильнике пусто, даже бутербродик не из чего сделать.*

– *Хорошо, я сначала поем, потом пойду,* – я уже свернул в свою комнату и тут вспомнил про пистолет. Нет, это надо спрятать не здесь, мало ли что, обыск, негласное проникновение, да что угодно. В сарае есть куча мест, где это можно схоронить. Я развернулся и пошел обратно.

В сарае уже давно никто не наводил порядка. Видимо, как было при дяде Стёпе, так всё и осталось. Тётушка Аграма ничем этим не пользовалась. Последнее время она и огородом не занималась, так что в сарае всё было в относительном беспорядке. Мой последний поход в сарай, как известно, закончился анекдотом.

Я постоял сначала, оглядел помещение и прикинул, куда было бы легче всего и надежней всего спрятать опасный предмет. Проще простого, закопать, но потом долго доставать если понадобится. Я посмотрел наверх. Поперечные балки конька были толстые, из струганных бревен с рубленными чашами, самый раз положить некий предмет, которого ниоткуда не будет видно.

Разобравшись с предметами, я вернулся в дом и со вздохом упал на кровать.

Итак, что мы имеем в активах.

Высокопоставленный партийный босс из Киева, которого мы не знаем – раз! Майор в следственном отделе райотдела милиции – два! Минимум четверо киллеров, которые только за сегодняшний день два раза пытались меня убить – три! Пропавший вещдок и уничтоженное дело – четыре! Есть и пятое, и шестое, и даже седьмое. Увы.

В пассиве у нас, два союзника, которые худо-бедно в тяжелой ситуации подставят плечо... или подножку? Ну предположим, чисто субъективно, они реальные союзники. Оружие, которое конечно не дай Бог пустить в ход, но душу греет. Негусто как-то.

Что нам нужно, чтобы их количество было перебито нашим качеством?

Во-первых, конечно найденный труп. Во-вторых, возбужденное уголовное дело по факту убийства. И в-третьих, связь этого убийства с деятельностью зондеркоманды по реквизиции культурных ценностей на территории СССР во время войны. Это автоматически вводит в игру нового игрока – КГБ СССР! И не просто КГБ, а его центральное управление, и даже Киев ничего не сможет сделать! А это уже гарантированное раскрытие убийства и возможно возвращённые ценности.

А для этого надо: выкопать тело из кучи строительного мусора, запротоколировать и зафиксировать на фотоаппарат весь процесс. При понятых и свидетелях передать тело милиции. И самое последнее, но не самое простое, попросить помощи у отца. Он в своем управлении может инициировать такую операцию и получить на неё разрешение. Почему?

Потому, что пока интуитивно, но я чувствую, что здесь замешаны иностранцы. Не может партийный функционер, хоть самого высокого ранга, овладеть такими ценностями и присвоить их себе в нашей стране. Слишком много заморочек. От легализации ценностей до их реализации. А клиент на такие ценности может быть только импортный. Внутренний клиент слишком многим рискует при такой сделке. Да и не будут они продавать такой товар внутреннему клиенту. Это равносильно тому, что ты добровольно повесишь меч над своей головой и будешь ждать, когда верёвки сгниют и он упадёт тебе на голову. Конечно, функционеры бывают разные, но... это сделка ориентирована на Запад. Как говорят наши кавказские друзья, «Мамой клянусь, слющай». И по факту это прямое ограбление страны. А это уже дело контрразведки!

Есть ещё несколько соображений.

Какие-то местные пьяницы и нарики вряд ли могли самостоятельно организовать такие масштабные поиски и найти эти ценности.

Во-первых, это было бы известно всей округе, деревня блин, тут секреты держатся только до обеда. После обеда последняя свинья в хлеву знает все самые важные тайны деревенских клоунов.

Во-вторых, такие масштабные поисковые работы требуют денег, организации и поддержки. Всё это, местным партийным боссам, да даже барыгам не под силу.

Значит, сведения о местонахождении клада пришли со стороны. Прийти они могли только из-за рубежа, от бывших участников или их потомков. И скорее всего именно через партийных функционеров, имеющих доступ к зарубежным командировкам и поездкам. А местные, просто обслуживающий персонал, который по окончании сделки будет ликвидирован.

И кстати, это значит, что есть ещё одна команда киллеров-ликвидаторов! И в дело она вступит после того, как ценности будут изъяты и отправлены в Киев, или... за рубеж.

После обеда, я позвонил Филимоненко в участок. Трубку поднял он сам.

– *Приветствую Иван Васильевич! Как дела? Как здоровье? Как мама? Это такой восточный колорит, когда тебе звонят и пол часа спрашивают про твое здоровье, всех родственников, и знакомых, и только после этого переходят к делу. Кстати, ты сидишь?* – я сделал паузу.

– *Сижу, а что?*

– *Ну, ничего такого, кроме того, что на меня сегодня было совершено два покушения.*

– *Чтоооооооо?*

– *Вот те крест Иван! Не вру, челюсть даю, я расхохотался в трубку. – Чего это ты так возбудился?*

– *Слушай, я в шоке! Слушай, сиди дома, я сейчас приеду, всё расскажешь.*

– *Ну давай, я тебя жду, только не опаздывай, у меня есть ещё дела в поселке, – и ты мне поможешь их выполнить подумал я, но вслух ничего не сказал.*

Филимоненко приехал через пол часа на служебной машине. Натужно ревуший пробитым глушителем УАЗик я услышал аж за три квартала. Хорошо, что едет не на засаду или задержание, а то бы весь город знал, что «Марио едет грабить банк».

Он ввалился в кухню фыркая, как запыхавшаяся лошадь и с ходу рухнул на стул.

– *Тётушка Аграма, наливай Ивану Васильевичу бадью чая, ему предстоит долго слушать и сопереживать, – расхохотался я, хотя, на душе у меня честно скажем кошки скребли. Что-то мне не давало покоя.*

Я рассказал всё Ивану, «забыв» упомянуть про оружие, которое подобрал на поле боя. Лучше ему об этом не знать, милиционер он и есть милиционер, начнёт убеждать в опасности висящего на стене ружья. Я и сам уверен в том, что оно рано или поздно выстрелит, но... спокойнее мне с ним. Пусть пока будет. А вот про майора узнал много интересного. Оказывается, наш интересант очень часто бывает в небольшой кафешке у реки, которую держат два кооператора из приезжих. Были слухи, что эти два брата азербайджанца работают под крышей майора, но так и не подтвердилось ничего. Майор бывал там часто и практически всегда встречался там со своими агентами. Кому надо, тот об этом знал. А вот насчёт крышевания – никто ничего не знал. Проговорили мы практически до вечера.

Наконец, Иван заторопился домой, но взял с меня слово, что буду сидеть дома, хотя-бы до утра, хотя, какая разница, ведь два покушения на меня были совершены днем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.